

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный
педагогический университет»

АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Ежегодный бюллетень

Выпуск 2

Благовещенск
Издательство БГПУ
2016

УДК 94 (73)
ББК 63.3 (7 Соє)
А 61

АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ: ежегодный бюллетень. Вып. 2 / отв. ред. А.А. Киреев, Н.В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – 62 с.

ISBN 978-5-8331-0362-3 (Вып.2)

В бюллетень включены научные статьи, посвященные наиболее актуальным проблемам американистики. Авторы – ученые и преподаватели вузов Дальнего Востока, центральной России, а также представители зарубежных научных центров.

Бюллетень преследует цель объединить исследователей-американистов из разных регионов для обсуждения наиболее актуальных аспектов истории и культуры США.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического университета*

ISBN 978-5-8331-0334-0

Издательство БГПУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Болдырев В.Е.</i> США и Транстихоокеанское партнерство: группы интересов и региональная политика.....	4
<i>Бутенина Е.М.</i> Медиация русской классики в филологической прозе эмигрантов третьей волны.....	8
<i>Киреев А.А.</i> Американо-Китайские отношения: история и проблемы.....	13
<i>Киреева Н.В.</i> Плагиат или творческое использование документального материала? (К вопросу о сюжетной основе романа Роберта Стоуна «Перейти грань»).....	18
<i>Кузнецов Д.В.</i> Внешнеполитический менталитет американцев: сущность и структура.....	23
<i>Кузнецов Д.В.</i> Идейные основы внешнеполитического менталитета американцев: концепция «американской исключительности».....	31
<i>Кузнецов Д.В.</i> Идейные основы внешнеполитического менталитета американцев: миф о «явном предназначении» или «предопределении судьбы».....	37
<i>Кухаренко С.В.</i> Динамика и причины ухудшения российско-американских отношений.....	43
<i>Лексютина Я.В.</i> Латиноамериканский вектор внешней политики Б. Обамы.....	50
<i>Федоров Н.В.</i> Влияние США на политику России в Азиатско-тихоокеанском регионе.....	57

В.Е. Болдырев

США И ТРАНСТИХООКЕАНСКОЕ ПАРТНЁРСТВО: ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

*Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
boldyrev89@list.ru*

Аннотация: С учётом достижений исследований в рамках кейс-стадис в статье предлагается сетевая модель анализа взаимодействия групп интересов. На её основе исследуется влияние американской промышленности на политику в отношении Транстихоокеанского партнёрства.

Ключевые слова: США, АТР, интеграция, Транстихоокеанское партнёрство, группы интересов

Vitaliy E. Boldyrev

THE USA AND THE TRANS-PACIFIC PARTNERSHIP: INTEREST GROUPS AND THE REGIONAL POLICY

*Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of Far East FEB RAS,
Vladivostok*

Summary: The paper proposes a network model of interest groups interaction based on case studies research. In accordance with this model, the author studies the U.S. industry's influence on Trans-Pacific Partnership.

Key words: the USA, Asia-Pacific region, integration, Trans-Pacific Partnership, interest groups.

На протяжении всей своей истории США существенное влияние на их политику оказывали группы интересов, организованные по социальному, профессиональному, общественно-политическому и иным принципам с целью коллективного достижения цели. После II Мировой войны, когда внешнеполитический процесс (ВПП) стал неуклонно усложняться, их влияние на внешний курс американского правительства оказалось в центре исследовательского внимания. Учёными из Соединённых Штатов были предложены два подхода к анализу их роли в процессе принятия решений. Наиболее ранний из них – кейс-стадис. Он был ориентирован на изучение того, как взаимодействуют группы между собой и разными ветвями власти в конкретных ситуациях. Однако продолжение исследований в отмеченном ключе требовало систематизировать огромный фактический материал в единую базу данных, что весьма оказалось затруднительным [2; 4]. В 1990-х гг. профессор Н.О. Берри предложил метод кейс-моделирования [1], более подходящий для практического применения. От классических кейс-стадис он отличался тем, что ключевые силы процесса заключались в четыре модели, в рамках которых они взаимодействовали в соответствии с условиями внутренней и международной среды. Несмотря на то, что для каждой из моделей были введены дополнительные параметры, с их помощью было крайне затруднительно проанализировать и спрогнозировать «нестандартную» ситуацию. Стремление свести американский ВПП к строгим моделям стало существенным недостатком данного метода.

Это ставит вопрос о необходимости использовать более «мягкие» методы к исследованию проблемы. По нашему мнению, один из них может быть связан с пониманием сетевого характера взаимодействия групп интересов между собой и с политическими силами. Основные его векторы таковы. Первый заключается в контактах между различными заинтересованными группами. Их действия направлены против своих конкурентов или на установление прочных связей с партнёрами в процессе решения определённого вопроса. Второй представлен взаимодействием с Конгрессом, посредством которого они стремятся донести свою позицию до исполнительной власти или заблокировать невыгодное для себя решение. Третий вектор представляет взаимодействие групп интересов и американского правительства и президента. Кроме того на избрание конкретного способа влияют не только корпоративные интересы, но и партийно-политические предпочтения заинтересованных групп.

В последнее время внимание американистов, изучающих вопросы хозяйства США, их экономической политики, а также ряда комментаторов обращено на проблему формирования новой архитектуры экономических отношений Соединённых Штатов с европейскими и тихоокеанскими странами. Основной акцент делается на юридических, финансовых, торговых и политических проблемах. Фактически, за скобками остаётся вопрос, какие силы заинтересованы в этом процессе? Исследуем эту проблему на примере курса США в отношении Транстихоокеанского партнёрства (ТТП).

В процессе проведения переговоров в США присутствовала следующая конфигурация политических сил. Во главе страны находился представитель Демократической партии. И хотя сама партия выступала против заключения соглашения, Б. Обама и его правительство считали, что США необходимо не только поощрять либерализацию торгово-экономических отношений в АТР, но и быть активным участником этих процессов [3]. В то же время данный курс поддерживали республиканцы.

Этот факт способствовал возникновению следующей структуры взаимодействия. На демократическую президентскую администрацию и поддерживавшую её Республиканскую партию ориентировались группы, заинтересованные в достижении соглашения. На Демократическую партию опирались его противники. Кроме того, глава государства был вынужден учитывать интересы традиционного партийного электората, заинтересованного в протекционистском курсе.

Анализ структуры торговли Соединённых Штатов с участниками ТТП свидетельствует, что более других в этом были заинтересованы авиастроители, производители других транспортных средств, а также электронная и иные направления высокотехнологичных отраслей индустрии.

Соответственно перечисленные группы интересов могли непосредственно взаимодействовать с федеральной исполнительной властью. Например, авиастроители всегда связаны с Белым домом независимо от того, представитель какой политической силы возглавляет США, отдельные предприятия транспортного машиностроения всегда ориентировались на Демократическую партию, а ввиду их заинтересованности, могли опереться на федеральное правительство. Электронная отрасль тесно взаимодействует с производителями самолётов, поэтому её представители могли, если не прямо, то опосредовано донести свою позицию до руководства страны. Кроме того, она традиционно имеет прочные связи с республиканцами.

Помимо прямого и межотраслевого взаимодействия группы интересов, которые могли получить выгоды от ТТП, использовали штатное и профсоюзное лобби. По данным Торгового представителя США, отраслевые профсоюзы активно принимали участие в дискуссиях, на которых обсуждались ключевые параметры будущего многостороннего соглашения [6]. Присутствовали на них и представители штатов, для которых страны АТР являются ведущим экспортным рынком по товарам электронной и авиастроительной отраслей [6].

Нельзя отрицать и тот факт, что были использованы преимущества республиканского большинства в Конгрессе, когда был одобрен законопроект, позволяющий вводить в силу торговые соглашения в рамках процедуры ускоренной ратификации.

Таким образом, сторонники заключения Соглашения о ТТП использовали следующую сетевую структуру взаимодействия. Заинтересованные корпорации активно взаимодействовали друг с другом, с другими группами интересов (штатными и профсоюзными). В результате этого процесса их позиция доводилась до федеральной исполнительной власти. Они контактировали с ней непосредственно, использовали преимущества соотношения политических сил на Капитолийском холме. Т.Е. присутствовали все три вектора взаимодействия групп интересов. Их результатом стали положения, предусматривающие глубокую либерализацию торговли продукцией отмеченных отраслей. В случае ратификации соглашения это позволит им наладить многовекторную кооперацию в регионе.

В то же время анализ краткого содержания Соглашения о ТТП свидетельствует, что определённых успехов добились и его противники. Так отдельная его глава посвящена правилам торговли продукцией текстильной и лёгкой промышленности. И они носят протекционистский характер [4]. Дело в том, что названные отрасли входят в число ведущих групп экспорта из Вьетнама и Брунея в США [7; 8]. Экстенсивные методы, основанные на широкой эксплуатации слабо механизированного труда и дешёвой рабочей силы, характерные для перечисленных стран (особенно для Вьетнама), делают эти товары на рынке США более конкурентоспособными, нежели американские. Опасения этих отраслей промышленности Соединённых Штатов послужили основанием для появления отмеченной главы. Вероятнее всего для лоббирования своих интересов они использовали следующие способы. Во-первых, они использовали переговорные дискуссии [6]. Во-вторых, они могли опереться на демократическую фракцию на Капитолийском холме. В-третьих, во главе страны находится президент-демократ. Он вряд ли бы сделал какой-либо шаг, который в предвыборный год мог противопоставить партии её традиционный электорат.

Таким образом, в условиях, которые требовали самостоятельной деятельности лоббистских групп, представители лёгкой промышленности использовали все возможные механизмы, чтобы их позиция была учтена в итоговом соглашении.

Однако, нельзя не заметить, что в ТТП не вошел ряд стран АТЭС и другие значимые торгово-экономические партнёры США. Но с такими странами, как Республика Корея и Колумбия у Соединённых Штатов заключены двусторонние соглашения о свободной торговле, Индонезия проявляет интерес к новому объединению. Фактически за его рамками остаётся Китай, чья экономика, по данным всемирного банка, имеет один из самых низких показателей по производству на душу населения в АТР [9]. Этот показатель свидетельствует, что присоединение КНР к ТТП не входит в круг интересов ряда отраслей США (в числе которых текстильная и лёгкая). Для них китайские производители оказались бы успешными конкурентами на американском рынке. Рост присутствия названных производителей из Китая не было выгодно Б. Обама и Демократической партии, т.к. он спровоцировал бы недовольство среди их традиционного электората.

Не является членом ТТП и Россия. Хотя причины этого связаны с отдельными положениями Соглашения и особенностями экономического строя на российском Дальнем Востоке, существенным фактором является недостаточное количество компаний в США, которые могли бы лоббировать российские региональные интересы. Американские корпорации в условиях санкций, введённых правительством Соединённых Штатов в отношении РФ, участвуют только в двух проектах: «Сахалин-1» и гражданских самолётов «Сухого». Начавшийся осенью 2014 г. постепенный выход американских инвесторов из нефтегазовых проектов на российском арктическом шельфе показал, что лоббистский ресурс этой группы интересов снизился. Интерес к тихоокеанским регионам России сохранили только отдельные компании аэрокосмической отрасли, сумевшие смягчить санкционный удар по своим проектам. Это свидетельствует о существенно меньшем интересе к тихо-

океанским регионам РФ в сравнении с участниками ТТП. Таким образом, тот факт, что наша страна не участвует в Партнёрстве, в целом, соответствует взглядам бизнеса США на взаимодействие с тихоокеанскими партнёрами.

В целом, достигнутое в октябре 2015 г. Соглашение о ТТП в первую очередь соответствует интересам наиболее технологичных отраслей американской промышленности. Для обеспечения своих торговых и кооперационных интересов они использовали широкую сеть взаимодействия с общественными и политическими силами. Его результатом стало включение в итоговое Соглашение пунктов, которые способствуют росту их кооперационных связей.

Активно лоббировали свои интересы и противники ТТП, которые добились принятия протекционистских мер.

Это позволяет нам констатировать, что наиболее влиятельными группами, которые воздействуют на азиатско-тихоокеанский экономический курс США, остаются наиболее технологичные отрасли: передовые производства машиностроения и электроники. Иные же предприятия и компании добиваются приемлемого для себя решения только в том случае, если используют максимально возможную сеть контактов.

Список источников и литературы

1. Берри Н.О. Почему американскую политику так трудно понять? // Международная жизнь. 1998. № 11-12. С. 33-49.
2. Barilleaux R.J. Parallel Unilateral Policy Declarations: A New Device for Presidential Autonomy in Foreign Affairs // Presidential Studies Quarterly. 1987. Vol. 17. № 1. P. 107-117.
3. Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. Address by Hillary R. Clinton, Secretary of State. January 12, 2010 // Официальный сайт Государственного департамента США. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm>.
4. Sinclair B. Senate Styles and Senate Decision Making, 1955-1980 // Journal of Politics. 1986. Vol. 48. № 4. P. 877-908.
5. Summary of the Trans-Pacific Partnership Agreement // Официальный сайт Министерства иностранных дел и торговли Новой Зеландии. URL: <http://tpp.mfat.govt.nz/assets/TPP12%20Summary%20of%20the%20Agreement.pdf>.
6. Trans-Pacific Partnership. Round 2. San-Francisco. June, 2010 // Официальный сайт Торгового представителя США. URL: <http://www.ustr.gov/tp>.
7. U.S. Imports from Brunei by 5-digit End-Use Code. 2005-2014 // Официальный сайт Федерального Бюро статистики США. URL: <http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5610.html>.
8. U.S. Imports from Vietnam by 5-digit End-Use Code. 2005-2014. // Официальный сайт Федерального Бюро статистики США. URL: <http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5520.html>.
9. Williams B.R. Trans-Pacific Partnership (TPP) Countries: Comparative Analysis. Congressional Research Service Report for Congress. May 30, 2012 // Сайт Федерации американских учёных. URL: <http://fas.org/sgp/crs/row/R42344.pdf>.

Е.М. Бутенина

**МЕДИАЦИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
ЭМИГРАНТОВ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ**

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток*
butenina.em@dvfu.ru

Аннотация: На примере филологической прозы русских писателей-эмигрантов А.Д. Синявского/Абрама Терца (1925-1997), Сергея Довлатова (1941-1990) и Василия Аксенова (1932-2009) в статье рассматривается медиация (трансляция-интерпретация) русской классики и ее рецепция в американском культурном пространстве.

Ключевые слова: медиация, эмиграция «третьей волны», Синявский/Терц, Аксенов, Довлатов, русско-американская культура.

Evgeniya M. Butenina

**MEDIATING RUSSIAN CLASSICS IN PHILOLOGICAL PROSE
BY THE THIRD-WAVE ÉMIGRÉ AUTHORS**

*Far Eastern Federal University,
Vladivostok*

Summary: The paper focuses on the mediation of Russian classic in philological prose by the third-wave Russian émigré authors: Andrey Sinyavsky/Abram Tertz (1925-1997), Sergey Dovlatov (1941-1990), and Vasiliy Aksyonov (1932-2009).

Key words: mediation, philological prose, third-wave émigré authors, Aksyonov, Dovlatov, Sinyavsky, Tertz, Russian American culture.

Медиация (трансляция-интерпретация) русской классики в американском культурном пространстве началась с публикации филологических работ Владимира Набокова: эссе «Николай Гоголь» (1944), перевода «Евгения Онегина» и комментария к нему (1965-1966), а также «Лекций по русской литературе» (1981). В этих исследованиях проявилось набоковское игровое начало, получившее развитие и в «фантастическом литературоведении» А.Д. Синявского/Абрама Терца (1925-1997) и в металитературной прозе Сергея Довлатова (1941-1990) и Василия Аксенова (1932-2009). В статье рассматриваются особенности представления русской литературы в филологической прозе писателей-эмигрантов третьей волны и ее рецепция в США.

В то время, когда в США вышел фундаментальный труд Набокова о «Евгении Онегине», заключенный Дубровлага А.Д. Синявский в ипостаси Абрама Терца писал «Прогулки с Пушкиным» (1966-1968). После эмиграции Синявского его книга была опубликована в Лондоне в 1975 году в издательстве «Overseas Publication Interchange» одновременно с работой «В тени Гоголя» (1970-1973). Публикация «Прогулок с Пушкиным», как известно, спровоцировала резкую критику в эмигрантской среде, в том числе статью Александра Солженицына «...Колелет твой треножник» («Вестник русского христианского движения», 1984), тогда как книга о Гоголе, близкая по стилю, подобной реакции не вызвала. Интересно, что Набоков еще мог бы успеть прочитать обе книги Синявского и высказать свое о них мнение, однако, очевидно, не сделал этого. По крайней мере, в биогра-

фии Брайана Бойда имеется лишь упоминание о том, что Набоков в 1961 году одобрительно отзывался о статье Синявского «О социалистическом реализме»: «Он нашел книгу толковой и блестяще написанной, однако заметил, что сам в течение двадцати лет повторял те же идеи своим студентам» [2, с. 293].

Реакция Набокова была бы особенно интересна, поскольку Терц в своих филологических работах вполне сознательно вступает с ним в диалог. Как показал в своем исследовании В.В. Десятов, этот диалог начался еще с рассказа «В цирке» (1955), а книге о Гоголе Терц открыто воспроизводит набоковский композиционный прием финала в начальной позиции (первая глава Набокова – «Его смерть и молодость»; первая глава Синявского – «Эпилог»), а также кольцевую и «спиральную» композицию текста в целом [4, с. 407]. Внимательный читатель, последовательно прочитавший обе книги, может также обратить внимание на фразу Набокова «только тень Гоголя жила подлинной жизнью – жизнью его книг» [7, с. 49], и тогда название книги Терца приобретет дополнительный смысл.

Сочинения Набокова и Терца в западной пушкиниане и гоголиане часто со- и противопоставляются в контексте других исследований. Энн Фридман в рецензии на «Лекции по русской литературе» Набокова отмечала его «причудливую манеру, напоминающую стиль Андрея Синявского» [14, с. 25]. Патриция Карден, критически оценившая лекции Набокова, в рецензии на работы о Гоголе, вышедшие в США через год после книги Терца («Через зеркало Гоголя: обратное видение, ложный фокус и хрупкая логика» Уильяма Роу и «Сексуальный лабиринт Николая Гоголя» Саймона Карлинского), довольно снисходительно отзывается о работе Роу, упоминавшего в числе своих предшественников Набокова, но высоко оценивает книги Терца и Карлинского [12, с. 346-347].

Принцип сопоставления исследований Набокова и Терца оказывается довольно продуктивным: так, набоковского Пушкина можно прочесть через призму книги Терца, как это делает профессор нью-йоркского университета Н. Л. Хрущева. Называя Набокова «Пушкиным двадцать первого века», Хрущева цитирует терцевское «просто Пушкин за всех успел обо всем написать» и резюмирует: «Так и Набоков, отражая нас сегодняшних в своих многозначных героях, разбросанных по романам, рассказам, стихам, на столетие вперед предсказал нам нашу судьбу, и сам признал в себе пушкинского Пророка» [20, с. 166-167].

Почти через двадцать лет после публикации на русском языке книги Терца были переведены на французский и английский языки. После выхода в 1991 году в издательстве «Editions du Seuil» *Dans l'ombre de Gogol* в переводе Жоржа Нива и *Promenades avec Pouchkine* в переводе Луи Мартинеза обозреватель «Нью-Йорк ревью оф букс» Джозеф Франк писал о «триумфе Абрама Терца», «писателя и критика высокого статуса», который стремится вызвать у читателя «живой интерес к русской культуре» [15, с. 16].

В 1993 году «Прогулки с Пушкиным» вышли в Йельском издательстве в переводе Кэтрин Теймер-Непомнящи и Славы Ястремского. Рецензенты высоко оценили и перевод, и справочный аппарат издания: Эндрю Дуркин отмечал, что предисловие Непомнящи представляет «конструирование пушкинского мифа и карьеру Синявского в культурном контексте», а аннотации Ястремски поясняют цитаты Пушкина и сопровождают их необходимым литературным и культурологическим комментарием [13, с. 305-306]. Стивен Ловелл также предполагал, что «некоторые интерпретации Синявского станут моделью здравых критических суждений для западной аудитории» [18, с. 296]. Оба критика подчеркивали значимость идеи свободы искусства, воплощенной в Пушкине и унаследованной Синявским/Терцем. При этом западных рецензентов удивляла резкая оценка работы Терца в эмигрантской и особенно отечественной критике.

Сергей Довлатов и Василий Аксенов не написали монографических исследований об отечественной словесности, но посвящали ей статьи и публичные выступления. К сожалению, материалы устных обращений писателей к англоязычной аудитории мало со-

хранились. Так, в первом полном сборнике филологической прозы Сергея Довлатова, помимо нескольких выступлений на различных эмигрантских мероприятиях, приводится лишь текст одной его лекции перед американскими студентами, названной «Блеск и нищета русской литературы» и прочитанной 19 марта 1982 года в университете Северной Каролины. Однако лекцию эту можно назвать программной. Сначала Довлатов рассказывает американцам о прекрасной русской школе перевода, благодаря чему он хорошо знает литературу США, и в числе ближайших американских друзей называет свою переводчицу Энн Фридман, попутно отмечая, что ее русский язык не хуже его. Так Довлатов озвучивает важную мысль о том, что иностранную литературу можно узнать и полюбить в хорошем переводе. Затем, кратко пояснив, что в аллюзивном заглавии его лекции под «нищетою» имелся в виду соцреализм, писатель обращается к «блеску» родной словесности.

Лаконично и емко Довлатов объясняет, что своеобразие русской литературы в том, что, «подобно религии, она несла в себе огромный нравственный заряд и, подобно философии, брала на себя интеллектуальную трактовку окружающего мира». И так «из явления чисто эстетического, сугубо художественного литература превращалась в учебник жизни, или, если говорить образно, литература из сокровища превращалась в инструкцию по добыче золота». Как и Набоков, Довлатов ясно обозначает русский пантеон классиков: началась русская литература с Пушкина, и он воплощает в ней «все лучшее и полноценное», за ним появились четыре «гиганта русской прозы» – Гоголь, Достоевский, Тургенев и Толстой, «обладатели громадного пластического дарования». Однако «все они в той или иной степени стали жертвами своих неудержимых попыток выразить себя в общественно-политических и духовно-религиозных сферах деятельности», не оценив великой мысли Пушкина: «Поэзия выше нравственности» (заметим, что эта мысль является ключевой и в книге Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным», и диалог Довлатова с книгой Терца заметен также в повести «Заповедник»). Очерчивая корпус прозы «гигантов», Довлатов осуществляет непринужденную «инвентаризацию» русской классики: Толстой написал «десяток гениальных книг», Достоевский – «четыре гениальных романа», Тургенев – гениальные «Записки охотника», а Гоголь – «лучший роман на русском языке» – «Мертвые души».

Приближая слушателей к их родной словесности, Довлатов напоминает, что влияние Чехова, «первого истинного европейца в русской литературе», охотно признают многие американские писатели. Наконец, «надежда на возрождение русской словесности», по его мнению, связана с гениальным Иосифом Бродским, а также «мастерами очень высокого класса» Василием Аксеновым, Владимиром Войновичем, Фазилем Искандером, Андреем Синявским, Булатом Окуджавой, Виктором Ерофеевым. Отметив в числе лучших эмигрантских критиков Петра Вайля и Александра Гениса (и в этом с ними согласны американские слависты [19]), в завершении лекции Довлатов возвращается к мысли, что слово писателя – это и есть его дело, и «безудержная тяга к общественно-политической деятельности» неизменно оборачивается провалом, как это произошло с Солженицыным [5, с. 92-109].

В усилении русского эха в англоязычной словесности есть и немалая заслуга Василия Аксенова как русско-американского писателя и преподавателя русской литературы в США. В 1972 году на сорокалетие писателя Андрей Вознесенский посвятил ему следующие строки, словно напророчив американскую эмиграцию: «Соколотетний Василий!/ Сирин джинсовый, художник в полете и силе,/ ржавой джинсовкой твой рот подковали усищи, Василий,/ юность сбисируй... / О венценосное имя – Василий». Академический опыт «джинсового Сирина» в США сопоставим со стажем Владимира Набокова: Аксенов преподавал русскую литературу в нескольких американских университетах в течение 24 лет, с 1980 по 2004 годы.

В университете Джорджа Мейсона, где писатель работал дольше всего и получил должность почетного профессора, хранится его архив, а заведующая кафедрой славистики

Джулия Кристенсен сотрудничает с российскими музеями для сохранения наследия писателя. Профессор этого университета Валерий Сойфер в некрологе для журнала «Континент» рассказал о блестящих лекциях Василия Аксенова и выразил сожаление, что они не были опубликованы [9]. О популярности Аксенова-преподавателя свидетельствует и страница на университетском сайте в рубрике «Профессора, которых мы любим» [21]. В качестве приглашенного писателя Аксенов некоторое также время вел занятия в университете Южной Калифорнии [17]. В своих воспоминаниях о преподавании в американском университете – Парфеноне, который «ни разу не подвел, никогда не предал», – Аксенов называет основные темы своих курсов: «Модернизм и авангард в России начала XX века: Образы Утопии», «Два столетия русского романа», «Любовный конфликт в русской литературе», но, к сожалению, не рассказывает о них подробнее [1, с. 257, 438].

В архиве Института Кеннана сохранился доклад стипендиата центра славистики Василия Аксенова от 24 июня 1982 года с описанием будущего романа «Бумажный пейзаж», первого текста, написанного им в США. Героя этого романа, советского инженера и будущего эмигранта Игоря Велосипедова, автор называет одновременно «новым Акакием Акакиевичем» и «новым Маниловым», мечтающем о «мире без бумаг», и собирается вписать его историю в «булгаковско-карамзинскую литературу» [11]. Этот роман не переведен на английский язык, но обрамление истории советского персонажа пародийными аналогиями с русской классикой останется одной из характерных черт писательского метода Аксенова, что ярко проявится в его следующем романе «Скажи изюм!» (*Say Cheese!*, 1989). В интервью в год издания романа в США Аксенов пояснил американской аудитории, что под фотографиями в романе имелись в виду писатели, подпольно выпустившие альманах «Метрополь» [22], на английском изданный в 1982 году и получивший ряд положительных рецензий в американской прессе. В 1999 году «Нью-Йоркер» опубликует эссе Виктора Ерофеева, повествующее о попытке издать «Метрополь» в советской России и контрабандной передаче копий издания американскому атташе по культуре на даче Аксенова [16].

Для творчества всех трех писателей, которым посвящена данная статья, характерно игровое начало, ярко проявившееся и в их филологической прозе. Андрей Синявский предпочел даже отказаться от академического стиля и написал свои главные литературоведческие работы в провокационном амплуа Абрама Терца. Сергей Довлатов и Василий Аксенов еще до эмиграции начали создавать своеобразную русско-американскую словесность, в которой американская литература, прочтенная ими в «одомашненных» переводах в традициях русской классики, была приближена к русскому читателю [подробнее об это см. 3]. Продолжая традиции Набокова и Синявского/Терца, они предприняли сходные усилия по отношению к русской классике, стремясь приблизить ее к американскому читателю. Русская классика давно стала национальной мифологией. Благодаря художественной и филологической прозе русских эмигрантов она остается актуальной и значимой частью зарубежного культурного сознания.

Список источников и литературы

1. Аксенов В.П. Американская кириллица: Проза и стихи. М.: НЛЮ, 2004.
2. Бойд Б. Владимир Набоков: Американские годы. М.: Независимая газета; – СПб.: Симпозиум, Независимая Газета, 2004.
3. Бутенина Е.М. Миф американской литературы в филологической прозе русских писателей-эмигрантов в США // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 1. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. С. 5-9.
4. Десятов В.В. Русские постмодернисты и В.В. Набоков: Интертекстуальные связи: дисс. ... док. филол. н. Барнаул, 2004.

5. Довлатов С.Д. Блеск и нищета русской литературы. Филологическая проза. СПб.: Азбука, 2013.
6. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве Набокова. М.: НЛЮ, 2000.
7. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1999. С. 49.
8. Ратькина Т.Э. Литературная критика и эссеистика А.Д. Синявского в оценках отечественной и зарубежной печати: дисс. ... канд. филол. н. М., 2009.
9. Соيفер В. Василий Павлович Аксенов – профессор американского университета // *Континент*. 2009. № 14. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2009/141/am17.html>.
10. Хрущева Н.Л. В гостях у Набокова. М.: Время, 2008.
11. Aksyonov V. Fellow, Kennan Institute for Advanced Russian Studies. The Paperscape, A View from the Flag Tower of the Smithsonian Institution Building: an attempt at introspection; or how some stack of paper turns into a Russian novel. June 24, 1982. Colloquium Paper.
12. Carden P. Review of Rowe W.W. *Through Gogol's Looking Glass: Reverse Vision, False Focus, and Precarious Logic*. NY: New York University Press, 1976 // *Slavic Review*. Vol. 36. № 2. 1977. P. 346-347.
13. Durkin A. Review of Abram Tertz (Andrei Simnyavsky). *Strolls with Pushkin*. New Haven: Yale University Press, 1993. 175 p. // *The Slavic and East European Journal*. 1995. Vol. 39. № 2. P. 305-306.
14. Frydman A. Reading with Nabokov // *The New Leader*. – 1981. – Vol. 64. # 23 (October). P. 25-27.
15. Frank J. The Triumph of Abram Tertz // *The New York Review of Books* 38 (June 27, 1991): P. 35-43.
16. Erofeyev V. A Murder in Moscow // *The New Yorker*. 1999. December 27. P. 48-59.
17. Johnson D. B. Akseonov as Travel Writer: Round the Clock, Non-Stop // Mozejko, Edward [Ed.] *Vasiliy Pavlovich Akseonov: a writer in quest of himself*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1986. P. 181-191.
18. Lovell S. Review of Abram Tertz (Andrei Sinyavsky). *Strolls with Pushkin* // *The Slavonic and East European Review*. 1995. Vol. 73. № 2. P. 295-296.
19. McMillin A. Exiled Russian Writers of the Third Wave and the Émigré Press // *The Modern Language Review*. Vol. 84. № 2. С. 406-413.
20. Powell J. Russian novelist accepts post as campus writer-in-residence // *Daily Trojan*. Vol. 90. № 10. February 18, 1981, Front page.
21. Professor Aksyonov Page. URL: <http://spirit.gmu.edu/category/professors-we-love>.
22. Vassily Aksyonov interview with Brian Lamb. Program Air Date: November 5, 1989. URL: <http://www.booknotes.org/Watch/9801-1/Vassily+Aksyonov.aspx>.

А.А. Киреев

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ

*Благовещенский государственный педагогический университет
г. Благовещенск
kir-blaga@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования и трансформации американо-китайских отношений во второй половине XX века. В центре внимания изменение доктринальной базы американской внешней политики. Описываются основные противоречия современных американо-китайских отношений и их влияние на региональную и международную ситуацию.

Ключевые слова: внешняя политика, холодная война, прагматизм, права человека, региональные конфликты.

Aleksey A. Kireev

AMERICAN-CHINA RELATIONS: HISTORY AND PROBLEMS

*Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Blagoveshchensk*

Summary: This article discusses the process of formation and transformation of US-Chinese relations in the second half of the twentieth century, with a focus on changing the doctrinal basis of American foreign policy. The paper describes the basic contradictions of modern US-Chinese relations and their impact on regional and international situation.

Key words: foreign policy, the cold war, pragmatism, human rights, regional conflicts.

Окончание Второй мировой войны сильно изменило ситуацию в международных отношениях. Произошло резкое усиление позиций США, как лидера западного мира. В тоже время во многих регионах шло формирование новых государств, которые еще не определили своего места в новой системе международных отношений. Для США налаживание контактов с такими государствами стало одной из первоочередных задач внешней политики.

Регион Восточной Азии не был исключением. Там окончание военных действий только усилило процесс становления нового контура взаимоотношений. После оккупации Японии американцы стремились закрепить свое лидерство в Восточной Азии. Весной 1949 года командующий вооруженными силами на Тихом океане генерал Д. Макартур заявил, что линия обороны США проходит по островным территориям Азии [11, с. 22]. Это выступление совпало с началом заключительной стадии гражданской войны в Китае, которая увенчалась разгромом и бегством войск Чай Канши на Тайвань. Союзный США режим гоминьдана потерпел поражение.

Формирование внешнеполитического курса Вашингтона продолжалось. В январе 1950 года Госсекретарь США Д. Ачесон исключил азиатский материк из сферы ответственности США. Это заявление последовало за выводом американских войск с Корейского полуострова в 1949 году [13, с. 116]. Сложившаяся ситуация была использована руководством КНР и северокорейскими коммунистами для вторжения в Южную Корею, что

привело к резкой эскалации в регионе и длительной кровопролитной войне с угрозой развязывания ядерного конфликта между США и СССР.

Эти события стали для политических кругов США подтверждением теории об особой агрессивности коммунизма и привели к формированию во внешней политике Вашингтона установок на глобальное сдерживание коммунизма путем создания военных блоков и поддержки антикоммунистических стран и режимов. В отношении Китая велась такая же жесткая конфронтационная политика, как и в отношении СССР. США и его союзники не давали представителям Пекина занять место в Совете Безопасности ООН, отдавая предпочтение Тайбэю.

К концу 1960-х годов одностороннее сдерживание зашло в тупик, так как США и СССР достигли паритета по нескольким стратегическим показателям. Тогда администрация Р. Никсона пошла на революционный шаг – сближение с Китайской Народной Республикой. Этот процесс не был легким для американцев, ведь Китай исповедовал коммунистическую идеологию даже в более жестком варианте, чем СССР. Это сближение было в духе традиционной европейской дипломатии XIX века, когда объединение шло против единого противника исходя из политической конъюнктуры [3, с. 654]. Со стороны Китая сближение с США тоже было выгодным, так как Пекин стремился продемонстрировать свою самостоятельность и независимость от Москвы на международной арене.

В течение 1970-х годов США и КНР наращивали двухсторонние отношения. Однако они строились на компромиссной основе, так как ключевым было отношение к Тайваню. Основные параметры сближения были зафиксированы в меморандумах [6, 7, 8]. Китай медленно становился зависимым от американской экономической и военно-политической помощи.

К концу 1970-х годов крах политики разрядки еще больше укрепил позиции США в Восточной Азии и повысил ценность американских гарантий безопасности в военно-политической сфере. Особую роль в этом сыграли два события 1979 года – советское вторжение в Афганистан и вьетнамское в Камбоджу. В США администрация Рейгана вновь заговорила об агрессивности коммунизма [1, с. 198].

Китайское руководство оказалось перед сложным выбором. В стране начались экономические реформы, и требовалась поддержка в виде финансов и технологий, которую могли дать США. С другой стороны, Китай не поддерживал чрезмерно жесткий путь конфронтации с СССР, желая урегулировать двухсторонние отношения [2, с. 188].

С окончанием холодной войны для американо-китайских отношений начался период испытаний. Необходимо было адаптироваться к новым условиям. Внешняя политика США долгое время развилась по инерции, тон которой задала холодная война. Необходимы были новые идеи, которые привели бы к изменению основ внешнеполитического курса. В своем выступлении в ООН в 1993 году президент США Б. Клинтон заявил: «Наша главная задача – расширить сообщество рыночных демократий. В годы холодной войны мы стремились сдерживать угрозу институтам свободного мира. Теперь мы стремимся расширить круг стран, опирающихся на эти институты. Мы мечтаем о мире процветающих демократий, сотрудничающих между собой и живущих в мире» [5, с. 650].

Для Восточной Азии подобный лозунг был более чем актуальным. После краха «реального социализма» в Европе в Восточной Азии оказались расположены три из четырех последних социалистических стран – Китай, Вьетнам и Северная Корея. Из этой тройки Китай имел реальный опыт экономических реформ, который показывал, что существование рыночных отношений возможно без обязательного, по американским представлениям, демократического общественного устройства. Этому рецепту готовы были последовать многие страны региона.

Администрация Клинтона сделала выбор в пользу «политики интересов», что свидетельствовало о рациональности подхода США к реалиям нового мира. В 1996 году помощник по национальной безопасности президента США Э. Лейк заявил, что «Америка

будет оставаться тихоокеанской державой, не потому, что мы (американцы) сентиментальные моралисты, а в силу существования четких и весомых интересов в регионе, где живет половина населения земного шара, на который приходится значительная часть его ресурсов, четверть мирового товарооборота и услуг, где дислоцированы крупнейшие мировые военные потенциалы» [9]. В Восточной Азии этот поворот был связан с надеждами американцев на устранение противоречий в отношениях с Китаем.

На протяжении всех 1990-х годов в США с неослабевающей интенсивностью продолжались дискуссии о выборе стратегии в отношении Китая. Можно выделить три главные точки зрения.

Первая предполагает всестороннее вовлечение Китая в международные отношения, торгово-экономическое и финансовое сотрудничество без каких-либо ограничений или поправок, например, на его «недемократическое внутреннее устройство». Сторонники этой точки зрения рассчитывают на кумулятивный результат такой политики: Китай, вовлеченный в международные отношения, постепенно научится «играть по общим правилам», станет таким, как все.

Вторая точка зрения строится на предположении о том, что любое китайское руководство в прошлом, настоящем и будущем способно воспринимать только язык силы. Соответственно в отношении Китая, как страны, от которой исходит реальная и потенциальная угроза, должна проводиться политика «превентивного сдерживания». Цели такой политики – лишить Китай возможности внешнеполитических авантюр и расшатать его псевдо-марксистский диктаторский режим. Сторонники второй точки зрения полагают, что, встретив столь решительное противодействие, Китай со временем будет вынужден принять общие правила поведения, стать таким, как все.

Наконец, третья точка зрения представляет собой синтез двух первых. Она предполагает вовлечение Китая в международные отношения, особенно в экономический обмен, при одновременном сохранении готовности и возможности сдержать его предполагаемые дестабилизирующие действия [12, с. 3-5].

Администрация Б. Клинтона в своей политике в отношении Китая, пройдя период поиска, постепенно склонилась к третьей точке зрения, разработав ее до уровня концептуальных установок. В общем виде «китайская политика», по словам президента Б. Клинтона, сводилась к тому, чтобы быть «одновременно принципиальными и прагматичными: расширять сферы сотрудничества с Китаем, при особом внимании к расхождениям с ним» [14]. Главное же в том, что США, осуждая нарушения прав человека и другие недемократические проявления китайской внутренней политики, не были намерены жестко увязывать свое сотрудничество с Китаем с их преодолением. США как бы стимулировали Китай – «награда» за конкретные шаги по либерализации политической системы, но не «наказывать» если либеральные меры не будут предприняты. При этом подчеркивалось, что Китай в своей внутренней политике не должен допускать эксцессов, способных привлечь внимание американской общественности.

В сфере внешней политики США ожидали от Китая взвешенного и ответственного поведения, отказа от угрозы применения силы, распространения оружия массового поражения и т.д. Не менее важно для США, чтобы Китай обеспечивал «прозрачность» своих оборонных программ и доступ на внутренний рынок американских товаров и инвестиций.

Администрация США сохраняла режим наибольшего благоприятствования в торговле с Китаем, отмену которого требовал конгресс, ссылаясь на нарушения прав человека в этой стране. КНР и США активно, в том числе и неформально, сотрудничали в вопросе о замораживании ядерных программ КНДР. Пекин в свою очередь присоединился к основным международным договоренностям, касающимся контроля над ядерным оружием, дав неформальное согласие прекратить экспорт крылатых ракет и ядерных технологий, хотя и продолжает увязывать свое официальное присоединение к «режиму контроля за нераспро-

странением ракетных технологий» с отказом США прекратить поставки вооружений на Тайвань [10, с. 196].

В январе 1998 года в ходе визита министра обороны США У. Козна в Пекин были определены перспективы сотрудничества между двумя странами и в военной области. Они были основаны на договоренности руководителей обеих стран о «конструктивном и стратегическом партнерстве в XXI веке», достигнутой во время визита председателя КНР Цзян Цзэминя в Вашингтон в 1997 году [2, с. 209].

Обе стороны видели в этом сотрудничестве свои перспективы. Для США – это возможность сделать военную политику Китая более прозрачной и предсказуемой, а для Китая – обеспечить потенциальный доступ к американским технологиям «двойного назначения», а возможно и к военным разработкам. В ходе переговоров китайская сторона вновь поставила вопрос об отмене санкций, введенных после событий 1989 года на площади Тяньаньмэнь. В частности речь шла о закупках в США вертолетов.

Между тем в американо-китайских отношениях сохранились противоречия. На первом месте стояла тайваньская проблема. В соответствии с Шанхайским коммюнике 1972 года и с решением 1979 года об установлении дипломатических отношений между США и Китаем, Вашингтон придерживается принципа «одного Китая», но в широкой трактовке, что позволяет ему сохранять тесные неформальные отношения с Тайванем. США ставят перед собой задачу получить от Пекина обязательство о неприменении против Тайваня военной силы [6].

В свою очередь КНР, рассматривая Тайвань как мятежную провинцию, не может дать подобной гарантии, так как это поставило бы под сомнение его суверенитет. Между материком и островом активно развиваются экономические и культурные связи. Пекин не настаивает на немедленном присоединении Тайваня, но выступает против провозглашения его независимости, так как это может привести к применению силы для установления контроля над островом. Это хорошо продемонстрировали события 1996 года, когда в преддверии выборов на Тайване, КНР провел в Тайваньском проливе военные маневры, что вынудило США ввести туда два авианосца [2, с. 214]. Таким образом, тайваньская проблема может спровоцировать серьезный кризис в отношениях двух стран и даже привести к военной конфронтации.

В 1997 году КНР был передан Гонконг. Это было триумфом китайской политики «одна страна, две системы». Тогда администрация Клинтона решила не акцентировать внимание на тайваньской проблеме, считая, что она может быть решена постепенно самими китайцами.

Серьезным противоречием в американо-китайских отношениях остается проблема нарушения прав человека в Китае. Важным для понимания этой проблемы являются несколько моментов. Во-первых, проблема прав человека и их соблюдения в ряде стран, в том числе и Китае, является популярной в американском общественном мнении и часто используется в демагогических целях, в том числе в конгрессе. К реальным целям и задачам США эта общественная «дискуссия» не имеет никакого отношения. Во-вторых, после событий на площади Тяньаньмэнь США и Китай фактически придерживаются молчаливой договоренности – проблема прав человека в Китае не увязывается с сотрудничеством США с этой страной, Пекин в ответ проводит «точечную» либерализацию режима. Например, было позволено эмигрировать из страны нескольким видным китайским диссидентам. Китай подписал Хартию ООН по экономическим и социальным правам и пообещал присоединиться к Хартии ООН по политическим и гражданским правам.

Однако, проблема прав человека в Китае увязана с проблемой обеспечения национальных интересов КНР и не может быть решена быстро или в одностороннем порядке (путем уступок Китая) [4, с. 112].

Республиканская администрация Дж. Буша-младшего продолжила прагматичный курс в отношении Китая, не смотря на жесткую предвыборную критику позиции Пекина

по вопросу прав человека. В 2004 году КНР стала членом ВТО, что можно считать большим прорывом, как в политической, так и в экономической сфере.

С 2008 года, когда мировую экономику поразил кризис, на первое место в американо-китайских отношениях вышли экономические проблемы. Прежде всего, это торговый дефицит и дисбалансы в экономических отношениях между США и Китаем. Эти проблемы решаются путем взаимных договоренностей, что уже характерно для американо-китайских отношений.

Таким образом, отношения США и Китая выглядят стабильными и последовательными. Основой для этого является взаимная договоренность не концентрироваться на серьезных противоречиях, а основываться на взаимных интересах. Эти отношения могут служить основой для стабильности международной ситуации в Восточной Азии и во всем мире.

Список источников и литературы

1. Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Юрьева Т.В. История международных отношений (1975-1991 гг.). М., 2006. С. 198.
2. Зиновьев Г.В. История американо-китайских отношений и тайваньский вопрос. Томск: Томский гос. универ., 2007. С. 188.
3. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 654-655.
4. Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011. С. 170.
5. Clinton B. Confronting the Challenger of a Broader World (address to the UN General Assembly). US Department of State. 1993. Vol.4. № 39. Sept. 27. P. 650.
6. Joint Communiqué between the People's Republic of China and the United States of America Issued in Shanghai, February 28, 1972. URL: http://www.sinomania.com/CHINANNEWS/shanghai_communique_30th_anniversary.htm
7. Joint Communiqué of The People's Republic of China and the United States of America August 17, 1982 // USC USA-China Institute. URL: <http://china.usc.edu/ShowArticle.aspx?articleID=414>
8. Joint Communiqué of the United States of America and the People's Republic of China, 1979// USC USA-China Institute. URL: <http://china.usc.edu/ShowArticle.aspx?articleID=546>
9. Lake A. Assistant to the President for National Security Affairs. Japan-America Society. Wash. (D.C.) 1996. Oct. 23.ann J. About Face. A History of America's Curious Relationship with China, from Nixon to Clinton. N. Y., 2000. P. 196.
10. New York Times. 1949. March. 2. P.22.
11. Shinn J. Conditional Engagement with China, in Weaving the Net, Council on Foreign Relations. N.Y., 1996. P. 3-5.
12. US Department of State Bulletin. 1950. Vol. XXII. 551. Jan. 12. P. 116.
13. Washington Post. 1998. June 12.

Н.В. Киреева

**ПЛАГИАТ ИЛИ ТВОРЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО
МАТЕРИАЛА? (К ВОПРОСУ О СЮЖЕТНОЙ ОСНОВЕ РОМАНА
РОБЕРТА СТОУНА «ПЕРЕЙТИ ГРАНЬ»)**

*Благовещенский государственный педагогический университет,
г. Благовещенск
stonerk@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается принцип творческого переосмысления документального материала, использованный Робертом Стоуном при создании его романа «Перейти грань», и споры исследователей по этому поводу.

Ключевые слова: Роберт Стоун, «Перейти грань», плагиат, документальная литература, художественная литература

Natalya V. Kireeva

**PLAGIARISM OR CREATIVE USE OF DOCUMENTARY MATERIAL?
(THE PLOT'S BASIS IN ROBERT STONE' «OUTERBRIDGE REACH»)**

*Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Blagoveshchensk*

Summary: The article deals with the principle of creative rethinking of documentary material used by Robert Stone in his novel *Outerbridge Reach* as well and researchers' debate on this issue.

Key words: Robert Stone, *Outerbridge Reach*, plagiarism, non-fiction, fiction

В основу одного из самых ярких романов Роберта Стоуна – романа «Перейти грань» (*Outerbridge Reach*, 1992) – положена история яхтсмена Дональда Кроухерста, «реальные события, имевшие место во время кругосветной гонки, проводившейся в середине 60-х годов» [12, с. 5].

Эпизоды книги, связанные с подготовкой главного героя романа Стоуна Оуэна Брауна к плаванию, а также само плавание и переживания, связанные с ним, напоминают скандально известную историю английского инженера, чья жизнь и профессиональная карьера начали складываться не лучшим образом. И тогда Дональд Кроухерст решил стать первым человеком, которому удалось бы завершить безостановочное кругосветное плавание. Сконструировав и построив новый тип лодки – тримаран, и едва опробовав его, он вышел в море 31 октября 1968 года.

При первой же буре лодка Кроухерста дала сбой. Остановившись в Аргентине для ремонта судна, и, тем самым, нарушив условия гонки, англичанин продолжил плавание по пустынным морям Южной Атлантики, умышленно избегая общения с внешним миром. Этот человек начал вести фальшивый бортовой журнал и передавал в эфир ложные сведения о своем передвижении. В то время как оставшиеся на берегу ожидали его триумфального возвращения, у инженера началось умственное расстройство, он решил, что постиг секрет Вселенной и стал богом. Последняя запись в бортовом журнале гласила, что Дональд достиг «Чистого Интеллекта». А затем гонщик то ли случайно упал за борт, то ли

сознательно бросился в море. 9 июля 1969 года его корабль был обнаружен недалеко от экватора.

В романе Стоуна, в конце 1960-х гг. подробно следившего за ходом плавания Кроухерста, описывается и предыстория регаты, и весь ее ход. По замыслу организаторов участником гонки должен был стать Мэттью Хайлан – преуспевающий миллиардер, яхтсмен-одиночка, владелец компании по производству суперсовременных, оснащенных сложнейшим электронным оборудованием гоночных яхт. Благодаря участию в регате, корпорация «Хайлан» собиралась блеснуть технологией, качеством и благосостоянием. А документальный фильм о путешествии, для съемок был которого приглашен известный кинодокументалист, должен был стать очередным рекламным роликом о достоинствах фирменного продукта. Но в преддверии гонки Мэтти бесследно пропал, и на его место подыскивают другого участника – служащего корпорации Оуэна Брауна.

Браун – в прошлом выпускник морской академии и ветеран войны во Вьетнаме – ныне является преуспевающим агентом по продаже яхт, достаточно состоятельным человеком, счастливым супругом и отцом. Но – очевидно дает себя знать «кризис среднего возраста» – герой неудовлетворен своей жизнью и с радостью принимает предложение участвовать в гонке. Именно в море, считает Браун, он сможет стать хозяином, а не слугой своей судьбы.

Его жена Энн не сразу соглашается отпустить мужа в плавание. Кому, как не ей, знать, что Браун не обладает ни умением ходить под парусом, ни железной силой духа, позволяющей преодолеть невзгоды долгого пути. Но, поддавшись духу соперничества, уверовав в победу мужа, Энн становится первой помощницей и вдохновительницей Оуэна. А Рон Стрикланд тем временем снимает на пленку все этапы подготовки к путешествию, относясь и к Брауну, и к его предприятию со смесью иронии и презрения.

Во второй части романа, после выхода героя в море, действие развивается стремительно. При первом же шторме яхта, произведенная в Южной Корее, начинает буквально разваливаться на куски. Перед Брауном появляется дилемма: с позором выбыть из соревнования или продолжать участие, точно зная, что, в конечном счете, он утонет вместе со своим полуразвалившимся кораблем. Он отвергает обе эти альтернативы и, неожиданно для себя, решает на изощренный обман. Отыскав убежище на необитаемом острове, герой снимает с лодки антенну, по которой спутник отслеживает передвижение каждого участника гонки, и начинает фальсифицировать свое плавание. Отсидевшись на острове, Браун посылает в эфир сигналы о своем ложном местонахождении, позволяющие говорить, что он лидирует в гонке. В конце концов, не выдержав бремени своего обмана, герой покидает остров, и, решив искупить вину, находит смерть в водах океана.

Параллельно с историей Брауна в море, на берегу развивается другая сюжетная линия, связанная с увлечением Стрикланда и Энн друг другом. В то время, как в море Оуэн переживает новый духовный опыт, двое других главных героев под влиянием чувства тоже открывают для себя неведомые территории: «Любовь Стрикланда к Энн и ее увлечение острым на язык киношником подвигает этих людей в психологические области, столь же пугающие для них, сколь для Брауна остров и уничтожившие его моря, которые он пересекает» [5, р. 172].

В финальном эпизоде романа двое главных героев, оставшиеся в живых, но изрядно потрепанные жизненным штормом, стремятся осуществить то, что становится делом их жизни. Энн готовится к участию в кругосветной регате – чтобы восстановить фамильную честь и искупить свою вину перед мужем. Рон, изуродованный бандитами, нанятыми отцом Энн украсть материалы фильма о Брауне, пытается смонтировать ленту из тех жалких обрывков, которые у него остались.

Совершенно очевидную близость сюжета романа и фактов реальной истории, о которой автор упомянул уже в предисловии к книге, отмечали первые же рецензенты «Перейти грань». Так, М. Дэвидсон писал: «В книге есть все признаки того, что ее материал

тщательно добыт из жизни» [2, р. 12]. Ф. Кинг подчеркивал: «Стоун, видимо был вдохновлен историей из реальной жизни аналогичного безумца, его мошенничеством и самоубийством» [3, р. 36]. Б. Вебер прямо указывал, что «история Брауна взята из известного случая с английским моряком по имени Дональд Кроухерст, который участвовал в одионочной кругосветной гонке в 1969 году» [8, р. 22].

Но этот факт стал основой для обвинения Р. Стоуна в плагиате сюжета документальной книги «Странное путешествие Дональда Кроухерста» Н. Томалина и Р. Холла, выпущенной по горячим следам в 1970 году и читавшейся как захватывающий детектив. Действительно: и перипетии путешествия Брауна, и его желание сфальсифицировать результаты своего передвижения, и эмоциональный стресс, пережитый героем в море, напоминают о соответствующих событиях из жизни Кроухерста, отраженных в газетных отчетах и в книге Н. Томалина и Р. Холла. Об истории английского яхтсмена напоминают и ряд других эпизодов. Например, линия жены Оуэна Брауна (ее деятельное участие в подготовке к путешествию, переживания сродни терзаниям Клары Кроухерст в ночь перед выходом мужа в море). Или эпизод, когда Стрикланд, решивший вручить Брауну что-нибудь на память перед выходом в море, не успевает купить шампанское и дарит свой альбом с фотографиями из Вьетнама (в реальности кинорежиссер Д. Кэпп дарит Дональду перед отправлением бутылку шампанского к Рождеству).

Не случайно, один из авторов «Странного путешествия Дональда Кроухерста» Р. Холл¹ выдвинул обвинение в использовании фактографического материала своей книги: «Роман изменен достаточно, чтобы его автора можно было уличить в плагиате, но не достаточно, чтобы избежать некоторых рельефных соответствий» [4, р. 3]. М. Сэйл поддержал точку зрения Холла: «Однажды я сказал, что использование материала двух книг является исследованием, а копирование одной – плагиатом. О Кроухерсте была написана только одна книга, и именно она содержит доступ к информации, о которой идет речь в романе Стоуна» [4, р. 3]. Критик Д. Сатерленд также упрекал автора «Перейти грань» в неэтичном отношении к использованию документальных источников: «Литература всегда перезаписывает историю... Но случай Кроухерста стал материалом для книги /Томалина и Холла – Н. К. /. Для Стоуна не упомянуть о Кроухерсте понятно; но не указать на влияние книги, которая удачно восстановила историю Кроухерста, книги, послужившей основой романа Стоуна – неблагодарность, по меньшей мере» [7, р. 28].

Голоса, раздавшиеся в защиту автора «Перейти грань», были не менее категоричными. И. Вильямс, глава издательства, выпустившего книгу Р. Стоуна, отвечала на обвинения так: «Из всех людей, составляющих мировое литературное сообщество, меньше всего можно подумать нечто подобное о Роберте Стоуне» [4, р. 3]. Авторы откликов на новый роман резко отвергали нападки на автора. «Обвинения несправедливы», писал М. Дэвидсон [2, р. 12]. Б. Вебер подчеркивал: «Роман Стоуна – оригинальная версия темы взаимоотношений человека и морской стихии» [8, р. 22]. Литературовед Р. Солотарофф отмечал: «Хотя между двумя этими произведениями есть много общего, стоуновское изображение неудачного путешествия, действующие лица и мир, в котором они живут, совершенно отличаются от изображенного Томалиным и Холлом» [5, р. 142].

В ответ на вопрос, почему писатель не упомянул имя английского моряка в предисловии к роману, Стоун признался в интервью исследователю Солотароффу: «Я боялся, что если назову это имя, семья Кроухерста посчитает, что я написал о них. Это меня очень беспокоило» [5, р. 142]. Очевидно, по этой же причине он не упомянул и о книге Томалина и Холла.

Отвергая обвинения в плагиате, Р. Стоун опубликовал статью «Генезис романа “Перейти грань”», в котором говорил об оригинальности книги и о своем праве использовать некоторые детали документального произведения Томалина и Холла [6, р. 14]. Писа-

¹ Н. Томалин погиб в 1973 году, работая корреспондентом в Израиле.

тель подчеркивал, что о путешествии он узнал не только из книги двух журналистов, но и из газетных отчетов: «Хочу добавить, что книга Томалина и Холла была не единственным источником информации о том деле», «я читал об этой истории во многих других местах». Стоун справедливо замечал: «События не становятся собственностью журналиста, освещающего их» [6, p. 14].

История Дональда Кроухерста явилась для автора романа «Перейти грань» отправным пунктом: «Меня привлек не конкретный мир переживаний Кроухерста, а более универсальный аспект. И мне кажется, я расставил в своей книге акценты по-другому, нежели авторы истории о Д. Кроухерсте. Я хотел показать, как трудно человеку вести себя достойно в экстремальной ситуации, и как даже положительный герой в подобных обстоятельствах может попасться в капканы лжи. В некотором отношении, Браун предает себя, отказываясь от своей честности. Как видите, у меня была своя собственная повестка дня, слишком личная, но мне понравилась идея, сводящая к нулю все обстоятельства, кроме океана, неба, корабля и, конечно, собственных размышлений героя, и заставляющая жить этим в наиболее интенсивной степени» [1]. Для Стоуна плавание Кроухерста стало «замечательным примером соединения героизма и глупости, которые никогда не разделяются слишком отчетливо, и часто граница между ними очень тонка» [5, p. 141].

Оттолкнувшись от реальной истории, писатель, по его признанию, «вернулся к своему обычному способу изображения героев и ситуаций в развитии» [8, p. 22]. Он настаивал, что его книга не должна прочитываться как документальное отображение событий кругосветной гонки 1968 года, но как «плод художественного вымысла, посвященного сегодняшнему дню» [12, с. 5]. Так проявляется особенность работы Стоуна с любым документальным материалом, который в его романах становится основой для «широких общественных обобщений» [10, с. 24].

Действительно, перед нами – не документальный рассказ, а художественное произведение, в котором реальный случай всецело подчиняется творческим установкам писателя: «факт действительности становится для автора романа "Перейти грань" основой создания художественных образов, достигающих высокой степени обобщения» [9, с. 135]. Отправляющийся в одиночное кругосветное плавание герой Стоуна надеется постичь глубины собственной сущности, обрести распадающийся смысл бытия, убедиться в душевной состоятельности. Изображая эту попытку героя, писатель стремится «осуществить синтез исторической конкретики и "вечных" вопросов человеческого бытия» [11]. Тем самым, вряд ли возможно вести речь о плагиате документального источника.

Список источников и литературы

1. Benson S., Solotaroff R. Talking Sense (a radio interview with Robert Stone). // KUOM, Minneapolis, 1 May 1992.
2. Davidson M. Real life on an ocean wave. // Sunday telegraph, London, № 618, 31 May 1992, Review.
3. King F. The Tragedy of a Valour-ruined Man. // Spectator, London, v. 268, № 8550, 23 May 1992.
4. Loehnis D. Best-selling author sails into a copycat storm. // Sunday Telegraph, London, № 616, 17 May 1992.
5. Solotaroff R. Robert Stone. N.Y.: Twayne, 1994.
6. Stone R. Genesis of Outerbridge Reach. // Times Literary Supplement, 5 June 1992.
7. Sutherland J. In dangerous waters. // Times Literary Supplement, London, 1992, May 22, № 4651.
8. Weber B. An Eye for Danger. // N. Y. Times Magazine, 19 Jan. 1992.
9. Киреева Н.В. Поэтика романов Роберта Стоуна. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002.

10. Киреева Н.В. Размышляя об американской исключительности: страницы истории США в романах Роберта Стоуна // *Американистика на Дальнем Востоке: Ежегодный бюллетень*. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Киреев. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015.

11. Киреева Н.В. Рецепция «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Э.А. По в литературе США последней трети XX века // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6. URL: www.science-education.ru/120-15156 (дата обращения: 14.12.2015).

12. Стоун Р. Прейти грань / Пер. с англ. В. Пурескина. М., 1995.

Д.В. Кузнецов

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ АМЕРИКАНЦЕВ: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА

*Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск
kuznetsov_d@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается сущность и структура внешнеполитического менталитета американцев.

Ключевые слова: США, массовое сознание, общественное мнение, внешняя политика, внешнеполитический менталитет.

Dmitry V. Kuznetsov

FOREIGN POLICY MENTALITY OF AMERICANS: ESSENCE AND STRUCTURE

*Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Blagoveshchensk*

Summary: In the article the essence and structure of foreign policy mentality of Americans is considered.

Key words: the USA, mass perception, public opinion, foreign policy, foreign policy mentality.

Задача, связанная с определением сущности и установлением структуры внешнеполитического менталитета американцев, безусловно, является важнейшей, когда речь идет о рассмотрении характерных черт и особенностей, присущих массовому сознанию американцев. В частности, того, что касается восприятия места, роли и политики, которые в настоящее время в международных отношениях присущи Соединенным Штатам Америки.

Говоря о внешнеполитическом менталитете американцев, мы имеем в виду всю совокупность идейно-теоретических установок, связанных с восприятием внешнего мира и присущих американской нации как общественной группе, имея также в виду то, что внешнеполитический менталитет американцев является составляющей частью «американского характера».

К настоящему моменту термин «внешнеполитический менталитет» еще не получил широкого применения в научной среде. Из тех работ, в которых можно встретить данную категорию следует назвать исследование С.В. Чугрова [41], в котором его автор рассматривает особенности внешнеполитического менталитета японской нации. С.В. Чугров трактует понятие «внешнеполитический менталитет» следующим образом: «Внешнеполитический менталитет – это та часть глубинного коллективного самосознания и самоощущения членов общества, которая включает в себя свойственное им коллективное бессознательное в виде специфических архетипов и врожденных образов и выражается в особом политическом мировосприятии, основанном на долгоживущих, устойчивых самоидентификациях по отношению к иным социокультурным и национально-этническим группам; это часть самосознания и самоощущения общества, которая относится к пробле-

матике международных отношений и, в частности, к политической самоидентификации по отношению к окружающему миру» [40, с. 46-65]. В нашей стране исследователи, характеризуя эти идейно-теоретические установки, объединяют их в рамках различных понятий. Так, например, И.Е. Малашенко указывает на наличие в среде американцев «внешнеполитических ориентаций», совокупность которых образует специфический срез массового сознания, обращенный к сфере международных отношений. Подчеркивая, что в рамках массового сознания его внешнеполитический компонент обладает относительной самостоятельностью, И.Е. Малашенко выделяет в его рамках автономную подсистему – массовое внешнеполитическое сознание [29, с. 41-52]. В свою очередь, Н.А. Косолапов использует термин «внешнеполитическое сознание», под которым он понимает «всю совокупность существующих на конкретный исторический момент представлений людей по вопросам внешней политики государств и международных отношений, международной жизни и мирового развития, взятую в единстве всех форм выражения этих представлений и их исторической эволюции, в диалектической целостности всех существующих (в том числе и противоборствующих) школ и тенденций, в ее взаимосвязи и взаимодействии с реальной общественной практикой и с другими компонентами системы общественного сознания, во всем многообразии ее социальной основы» [27, с. 207-222].

Под «национальным» (в данном случае – американским) характером понимается совокупность относительно устойчивых психологических свойств, являющихся общими для большинства представителей определенной нации и отличающих ее от других наций [24, с. 241-248].

Складывание так называемого «американского характера» началось уже в XVII в., причем этот процесс осуществлялся под воздействием целого ряда важнейших факторов, отражающих специфику исторического развития США. Под влиянием определенных, весьма специфических по своему характеру, исторических условий оформились отдельные компоненты, образующие уникальную конструкцию внешнеполитического менталитета американцев.

Внешнеполитический менталитет американцев, безусловно, обладая специфическими чертами, имеет ряд характеристик, которые, как правило, присущи другим нациям мира. К примеру, это относительно низкий уровень интереса населения к проблемам внешней политики. Практически во всех странах мира, и это касается США, проблемы внутреннего свойства находятся в числе самых важнейших приоритетов, учитывая, что именно вопросы, связанные с экономикой и социальными отношениями, внутренним политическим развитием, оказывают непосредственное воздействие на повседневную жизнь людей. Многочисленные опросы общественного мнения, проведенные в США, начиная с 1935 г., Организацией Гэллапа, свидетельствуют, что проблемы внешней политики американцев волновали, как правило, меньше, чем проблемы внутреннего свойства. Тем не менее, по мере роста вовлеченности США в мировые дела происходило и медленное повышение интереса американской общественности к внешней политике. В связи с этим важно подчеркнуть, что периодически индифферентность американцев относительно проблем внешнеполитического свойства сменялась на повышенный интерес американцев к происходящим в мире событиям. Как правило, интерес к проблемам внешнеполитического свойства возникал тогда, когда то или иное событие, происходящее на международной арене, становилось актуальным для государства в силу его вовлеченности в это событие, его руководства и жителей страны в целом [28, с. 137-162].

Как подчеркивает отечественный исследователь М.М. Петровская, «отношение американцев к внешнему миру формировалось на почве исторических... традиций». И далее: «Трудное освоение географически изолированного и обширного континента, отсутствие интереса к сложным перипетиям политики Европы вырабатывали в складывавшейся нации определенные жизненные принципы, устойчивую сумму взглядов..., которым суждено было достаточно прочно закрепиться в массовом сознании» [32, с. 77].

«Внешнеполитическое сознание американцев обладает рядом устойчивых основополагающих признаков, проявившихся в результате особого, можно сказать уникального, пути становления и развития Америки. Они относятся к сфере политической культуры США, т.е. почти не меняются с течением времени, наследуются в сознании нынешнего поколения от предыдущего и считаются "истинно американскими". В свою очередь, в каждый исторический период означенные базовые признаки служат основой для формирования конкретных, привязанных к содержанию этого периода внешнеполитических стереотипов», – подчеркивает С.М. Самуйлов [33, с. 19-32].

Очевидно то, что внешняя политика США имеет свой национальный стиль, который является выражением особенностей характера нации и может быть квалифицирован как «совокупность идеологических ценностей, общих исторических по своей сущности традиций в сочетании с прецедентами» [2, р. 14; 4, р. 16-17].

Еще Гэбриэль Э. Алмонд в своей книге «Американский народ и внешняя политика» (1950) подчеркивал, что особенности так называемого «американского характера» вносят отличительные черты в процесс разработки и осуществления внешнеполитического курса США [1, р. 29-68].

Артур М. Шлезингер-младший также указывал, что «на способ, с помощью которого государство проводит свою внешнюю политику, существенное влияние оказывает специфика национального характера». По его словам, внешняя политика – это лицо нации [9; 10, р. 1-16].

Ч. Кегли и Юджин Р. Уитткопф отмечают, что «американская внешняя политика испытывает на себе глубокое влияние тех ценностей..., которые разделяются большинством американских граждан, и, следовательно, внешняя политика страны находится под воздействием прочно укоренившихся в сознании американцев общих представлений о своем государстве, нормах политической деятельности и о внешнем мире», поскольку именно «политические установки, из которых складываются политическая культура общества», определяют и то, как американцы «реагируют на международные события». Ч. Кегли и Юджин Р. Уитткопф убеждены в том, что американская политическая культура оказывает значительное влияние на внешнюю политику США и что последняя самым тесным образом связана с первой. Вопрос, с их точки зрения, «заключается не в том, существует ли такая связь, а в том, каков характер этой связи» [6, р. 180,183].

Итак, под влиянием исторических условий оформились отдельные компоненты системы, которую можно обозначить как «идейные основы внешнеполитического менталитета современных американцев».

Под «идейными основами внешнеполитического менталитета американцев» имеется ввиду система идейно-теоретических установок, сформировавшаяся на базе универсальных, охватывающих не только окружающий внешний мир, взглядов американцев. К «идейным основам внешнеполитического менталитета американцев», в частности, относятся следующие элементы: концепция «американской исключительности», миф о «явном предназначении» или «предопределении судьбы», вытекающая из этого идея «мессианства», оформившаяся во второй половине XX в. концепция *Pax Americana*. При этом важно подчеркнуть, что «идейные основы внешнеполитического менталитета американцев» образуют своеобразный фундамент, который, в свою очередь, является питательной средой для складывания отдельных концепций и идей.

В нашей стране отмеченная конструкция, которая была обозначена как национальная «Я-концепция», складывавшаяся в Соединенных Штатах в течение нескольких столетий и в своем более и менее окончательном виде оформившаяся к середине XX в., определившая особенности американского «национального характера» и в результате получившая свое воплощение практически на всех уровнях общественного сознания – массовом, групповом, индивидуальном, на уровне элиты и масс, имеющая политическое, идеологи-

ческое и религиозное выражение, была подвергнута серьезному анализу со стороны отечественных исследователей.

Н.А. Косолапов считает, что «Я-концепция» есть «устойчивая, в большей или меньшей степени осознаваемая, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основании которой он строит отношения и взаимодействия с другими людьми, субъектами социальных отношений и политики, а также свои самооценку и самосознание» [26, с. 107].

Особенно следует отметить работы Э.Я. Баталова [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20], К.С. Гаджиева [21; 22], В.В. Согрина [34; 35; 36; 37], а также ряда других ученых [25; 39; 40; 44], в которых представлена широкая картина представлений американцев об окружающем мире, раскрыты сущность и содержание основных мифологем, присущих массовому сознанию американцев, предпринята попытка раскрыть глубинные причины поведения США на международной арене, связанные с особенностями психологии американской нации.

Предваряя рассмотрение указанных выше элементов, входящих в структуру «идейных основ внешнеполитического менталитета американцев», важно подчеркнуть, что в числе важнейших факторов, определяющих внешнеполитический менталитет американцев, находится так называемая «американская мечта» (*American Dream*). Глубокое определение реальной, хотя и неосязаемой субстанции, называемой «американской мечтой», было дано классиком американской литературы Уильямом Фолкнером (1897-1962 гг.) в статье, опубликованной в 1955 г. [30, с. 122-154].

Наиболее часто термин «американская мечта» употребляется для обозначения высокого жизненного стандарта американца (речь в первую очередь идет о собственном доме, а также высокооплачиваемой работе), славы, перехода в более высокий социальный класс, но может также указывать на интеллектуально полноценную жизнь. Понятие «американская мечта» тесно связано с понятием «self-made man», т.е. человека, который самостоятельно, упорным трудом добился успеха в жизни, связывая его с эмигрантами, прибывшими в Америку в поисках лучшей жизни. Каждый американец вкладывает в понятие «американская мечта» свои собственные представления о прекрасном будущем. Обычно этот тезис считают одним из основ протестантской трудовой этики. Квинтэссенцией «американской мечты» принято считать представление о том, что каждый человек, обладающий способностями, энергией и трудолюбием, способен честным путем преуспеть в жизни, став добропорядочным и состоятельным человеком [12].

В широком смысле «американская мечта» рассматривается сквозь призму американских ценностей, в том числе существующих в обыденной жизни. В данном случае можно говорить об «американской мечте» как о «совокупном представлении об идеальном будущем Америки», а также расценивая ее в качестве «представления о демократическом пути развития Америки» [31, с. 39].

Кроме того, «американскую мечту» можно определить как идеалы свободы, а также открытых возможностей для всех, основанные на вере в безграничные возможности США и их исключительное место в мире.

В соответствии с официальной американской историографией этими идеалами руководствовались «отцы-основатели» – группа политических деятелей, возглавивших борьбу против Англии и сыгравших решающую роль в образовании США, а также стоявших у истоков многих государственных институтов страны, ее традиций (Дж. Вашингтон, Б. Франклин, Дж. Мэдисон, А. Гамильтон и Т. Джефферсон). Вследствие этого «американская мечта» нашла отражение во многих основополагающих документах страны, например в «Декларации независимости».

Как неоднократно подчеркивалось, «американская мечта» – трудно определяемое понятие, а некоторые американские исследователи и вовсе считают невозможным сформулировать его точный смысл, утверждая, что «американская мечта» есть не логическое

понятие, а некая иррациональная коллективная по своей сущности надежда. Так, например, Ф. Карпентер заявил, что «"американская мечта" никогда не была точно определена и, очевидно, никогда не будет определена». По его мнению, «она одновременно и слишком разнообразна, и слишком смутна: разные люди имеют в виду различный смысл, говоря о ней» [43, с. 25-36].

Между тем отдельные американские исследователи связывают «американскую мечту» с традиционной для американцев этикой преуспеяния, их устойчивым стремлением к успеху, подчеркивая, что «американская мечта» есть не что иное, как «обещание, что все, кто живет в Соединенных Штатах, имеют реальный шанс, путем собственных усилий достичь определенного успеха». Другие исследователи видят в «американской мечте» своеобразный тип утопизма, а также веру в лучшее будущее Америки. Для третьих исследователей «американская мечта» фактически равнозначна так называемому «американскому образу жизни», как, впрочем, и национальному характеру американцев [3; 5; 8].

Важно подчеркнуть, что «американская мечта» стала порождением представления об Америке как «земле обетованной», где можно будет достичь всего, чего пожелаешь. В XVII в., когда в Новый Свет потянулся вначале небольшой, а затем все более возрастающий поток иммигрантов, последних влекла туда мысль о том, что на новом месте их будет ждать новая, гораздо лучшая жизнь, чем в Англии. Тогда же, кстати, сформировались и первые представления об Америке как «стране изобилия», «стране благоприятных возможностей», «стране судьбы» (*America as the land of plenty, America as the land of opportunity, America as the land of destiny*) [11].

В коллективном труде «Общественное сознание и внешняя политика США» (1987 г.) подчеркивается, что «американская мечта» – это «метафора, понятие с размытыми границами и неопределенным объемом». «Поэтому составить адекватное представление о ней самой и ее роли во внешней политике США – значит идентифицировать (хотя бы по основным параметрам) комплекс тех оптимистических представлений об Америке и американцах, которые обычно относят к "американской мечте", и проследить их связь с внешней политикой» [31; с. 39]. В этот комплекс входит несколько структурных элементов, ядро которых составляют вполне конкретные идеальные конструкции в форме мифов – широко распространенном варианте представлений об окружающем мире [43, с. 25-36].

Миф, как известно, был первой исторически сложившейся формой идеального освоения человеком предметного мира, характерными чертами которой были нерасчлененность субъекта и объекта, эмоциональная окрашенность, иррациональность [38]. Но, что примечательно, мифологическая составляющая массового сознания была характерна не только для эпохи Древности, она сохраняется также на современном этапе, поскольку миф представляет собой наилучшее средство понимания существующей действительности, устраняя ее сложности.

Дж. Робертсон в книге «Американский миф. Американская действительность» рассматривает целый ряд концептуальных установок, в которые до сих пор верят американцы и причины, по которым они в них верят. По мнению Дж. Робертсона, социальное по своему характеру явление нередко находит свое истолкование в мифологических конструкциях. Очень часто проблема, «решенная в мифе, представляет собой парадокс, т.е. нечто, выходящее за пределы рациональной логики. Однако для тех, кто привык к мифу и верит в него, рассказывание какой-либо истории, воссоздание живого, знакомого образа (что является частью мифа) несет в себе как обязательное осознание того, что это противоречие разрешено, и элементы парадокса примиряются между собой [7, р. 26].

Одним из таких мифов является миф об Америке как райской земле. Примечательно, что он сложился еще задолго до открытия Нового Света: еще у древних греков и римлян существовали представления, что где-то далеко на западе, за Геркулесовыми столбами лежит не открытая еще «земля обетованная», причем подобные представления бытовали и в средневековой Европе. Вопрос, таким образом, состоял лишь в том, с какими конкрет-

ными землями будет волей истории отождествлен этот образ. Такой землей оказался Новый Свет, редуцированный в дальнейшем до одной страны – Соединенных Штатов Америки [31, с. 41].

Действительно, в массовом сознании европейцев издавна бытовало представление о том, что где-то на краю земли существует скрытая от мира страна-Утопия, «зарезервированная» Всевышним для последующего осчастливливания пострадавшего человечества. Открытая в конце XV в., Америка и была воспринята многими как такая Утопия. Как подчеркивает Э.Я. Баталов, сначала на весь Новый свет, а позднее на Соединенные Штаты Америки были спроецированы качества, которые предписывались утопии и утопийцам (изобилие всего, что необходимо для счастливой жизни, свобода, равенство, благоденствие и т.д. и т.п.) и которые естественным образом возвышали США и их граждан над всеми другими странами [15, с. 12].

По мнению Э.Я. Баталова, «американская мечта» проникнута духом национального морального превосходства, избранности и проистекающего отсюда мессианства. «Янки убеждены, – подчеркивает он, – что Соединенные Штаты – "Град на холме", путеводная звезда, по которой должны сверять свой исторический маршрут другие народы, а Америка имеет моральное право при необходимости корректировать его. Ибо для того она и послана Провидением, чтобы, как заявлял В. Вильсон, "указать человечеству в каждом уголке мира путь к справедливости, независимости, свободе ... Америка должна быть готова использовать все свои силы, моральные и физические, для утверждения этих прав (прав человека) во всем мире"» [18, с. 33].

Отсюда – «американская мечта» в ее внешнеполитическом аспекте выступает в виде абсолютно непоколебимого убеждения в необходимости осуществления Соединенными Штатами по воле Всевышнего некоей, глобальной по своему характеру миссии по повсеместному насаждению «американского образа жизни».

Список источников и литературы

1. Almond G.A. The American People and Foreign Policy. New York: Praeger, 1950.
2. American National Style // Encyclopedia of American Foreign Policy / Ed. by Glenn Hastedt. New York: Facts On File, 2004. P.16-17.
3. Chenoweth L. The American Dream of Success: The Search for the Self in the Twentieth Century. North Scituate: Duxbury Press, 1974.
4. Foreign Policy Process: National Style // Zuring L., Plano J.C., Olton R. International Relations: A Political Dictionary. 5th ed. Santa Barbara: ABC-Clio, 1995. P.14.
5. Hochschild J. Facing Up to the American Dream: Race, Class, and the Soul of the Nation. Princeton: Princeton University Press, 1995.
6. Kegley Ch., Wittkopf, Eugene R. American Foreign Policy: Patterns and Process. New York, 1979.
7. Robertson J. American Myth. American Reality. New York: Hilla and Wang, 1980.
8. Parrington V. American Dreams. A Study of American Utopias. New York: Russell & Russell, 1964.
9. Schlesinger, Arthur M. Jr. The Cycles of American History. Boston: Houghton. Mifflin Company, 1986.
10. Schlesinger, Arthur M. Jr. Foreign Policy and the American Character // Foreign Affairs. Vol.62. № 1. Fall 1983. P.1-16.
11. Scouten, George Samuel. Planting the American Dream: English Colonialism and the Origins of American Myth. PhD dissertation 2002, University of South Carolina.
12. American Dream // Americana (En-Ru) (к версии Lingvo 12). Англо-русский лингвострановедческий словарь «Американа-II» / Под ред. доктора филологических наук, профессора Г.В. Чернова. 2005.

13. Баталов Э.Я. Америка, Европа, Россия в трансатлантическом пространстве. М.: ИЕ, Русский сувенир, 2009.
14. Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014.
15. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005.
16. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990.
17. Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
18. Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
19. Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982.
20. Баталов Э.Я., Малашенко И.Е., Мельвиль А.Ю. Идеологическая стратегия США на мировой арене. М.: Междунар. отношения, 1985.
21. Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М.: Наука, 1990.
22. Гаджиев К.С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России. М.: Логос, 2013.
23. Гаджиев К.С. США: эволюция буржуазного сознания. М.: Наука, 1981.
24. Колобов О.А. Американский национальный характер и его проявление в глобальной дипломатии на рубеже XX-XXI вв. // США: становление и развитие национальной традиции и национального характера: Материалы VI научн. конф. асоц. изуч. США. Ист. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. 27-28 января 1999 г. М., 1999. С. 241-248.
25. Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура / Отв. ред. Ю.К. Мельвиль, Е.Ф. Язьков. М.: Изд-во Моск. унт-та, 1993.
26. Косолапов Н.А. Психология политической деятельности. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002.
27. Косолапов Н.А. Внешнеполитическое сознание: категория и реальность // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 207-222.
28. Кузнецов Д.В. Проблемы внешней политики в системе приоритетов американцев // Кузнецов Д.В. Взаимодействие внешней политики и общественного мнения. Некоторые актуальные вопросы. М.: УРСС, 2010. С. 137-162.
29. Малашенко И.Е. Массовое сознание: типология внешнеполитических ориентаций // США: экономика, политика, идеология. 1984. № 2. С. 41-52.
30. Мальков В.Л. Американская мечта как символ веры и внешнеполитическая стратегема. Протоистория «империи по приглашению» // Американский ежегодник. 1999. М.: Наука, 2001. С. 122-154.
31. Общественное сознание и внешняя политика США / Колл. авт.: Замошкин Ю.А., Иванян Э.А., Петровская М.М. и др. М.: Наука, 1987.
32. Петровская М.М. США: политика сквозь призму опросов. М.: Междунар. отношения, 1982.
33. Самуйлов С.М. О роли стереотипов во внешней политике США // Свободная мысль – XX век. 2008. № 1. С. 19-32.
34. Согрин В.В. «Американская исключительность»: мифы и реальность. М.: Знание, 1986.
35. Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010.
36. Согрин В.В. США в XX-XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015.
37. Согрин В.В. Центральные проблемы истории США. М.: Весь мир, 2013.

38. Стеблин-Каменский М.И. Миф. М.: Мысль, 1976.
39. США: политическая мысль и история / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. М.: Наука, 1976.
40. Хромушкина Г.Б. Развенчанные мифы. Критика доктрины «американской исключительности». М.: Мысль, 1969.
41. Чугров С.В. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // Полис. 2007. № 4. С. 46-65.
42. Чугров С.В. Социокультурное пространство и внешняя политика современной Японии. М.: ИМЭМО, 2007.
43. Шестаков В.П. «Американская мечта» и моральный кризис // США: экономика, политика, идеология. 1979. № 2. С. 25-36.
44. Ширяев Б.А. У истоков мифа об «американской исключительности» // Вестн. Ленингр. ун-та. 1984. № 20. История, яз., лит. Вып.4. С. 17-22.

Д.В. Кузнецов

**ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА
АМЕРИКАНЦЕВ:
КОНЦЕПЦИЯ «АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»**

*Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск
kuznetsov_d@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается один из элементов внешнеполитического менталитета американцев – концепция «американской исключительности».

Ключевые слова: США, массовое сознание, общественное мнение, внешняя политика, внешнеполитический менталитет, концепция «американской исключительности».

Dmitry V. Kuznetsov

**IDEOLOGICAL BASES OF AMERICANS' FOREIGN POLICY MENTALITY:
THE CONCEPT OF «AMERICAN EXCEPTIONALISM»**

*Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Blagoveshchensk*

Summary: The paper discusses one of the elements of Americans' foreign policy mentality of: the concept of «American exceptionalism».

Key words: The USA, mass perception, public opinion, foreign policy, foreign policy mentality, the concept of «American exceptionalism».

Важнейшей составляющей внешнеполитического менталитета американцев является концепция «американской исключительности» (*American Exceptionalism*), т.е. уверенность американцев в абсолютном превосходстве «американской модели», вера в то, что США во всех отношениях «лучше» любой другой страны. Эта идея, зародившаяся более 200 лет назад, оказалась на редкость живучей и из общего постулата превратилась в глобальную концепцию, используемую не только для объяснения истории США (Л. Харц [8; 30], Д. Бурстин [2; 3; 4; 17; 18; 19], Артур М. Шлезингер-младший [9; 31] и др.), но и для обслуживания текущих запросов правящих кругов страны в сфере внешней политики [13].

Действительно, внешняя политика США на протяжении всей истории этой страны в значительно большей мере, чем внешняя политика других государств, носила специфическую идеологическую окраску, основываясь на притязаниях руководства США на «особую», даже «исключительную» роль в мире. «Соединенные Штаты с полным основанием могут претендовать на звание первой нации в мире, – писал С. Липсет. – Это была первая крупная колония, с успехом осуществившая революционный разрыв с прошлым» [11, р. 15]. «Мы, американцы, верим, что, во-первых, есть нечто исключительное в наших ценностях и, во-вторых, что эти ценности влияют или должны влиять на внешнюю политику», – заявляет Н. Глейзер [7, р. 32-37].

Дебора Л. Мэдсен указывает, что исключительность – «одно из наиболее важных понятий, лежащих в основе современных теорий американской культурной идентичности» [12, р. 3].

Д. Далл, указывая на «исключительность» положения, занимаемого США во «враждебном» им мире, подчеркивает, что они представляют собой «самое могущественное в международной системе государство с интересами, простирающимися практически на все части земного шара». «Поэтому, – считает он, – все, что где бы то ни было происходит, часто имеет большое значение для американцев, и все, что делают сами американцы, оказывает нередко глубокое воздействие на остальную часть мира» [6, р. 3].

Э.Я. Баталов в одной из своих работ подчеркивает: «Все нации ценят себя выше, чем стоят на самом деле (даже если публично посыпают голову пеплом)... Но, кажется, никогда и никто, разве что имперский Рим, не оценивал свое положение так высоко, как американцы» [16, с. 11]. При этом, по мере того как Соединенные Штаты обретали экономическую мощь, усиливали свои позиции на континенте и конкурентоспособность на мировом рынке, а в итоге ощущали себя все в большей безопасности по отношению к другим странам, их видение собственного будущего становилось все более оптимистическим, а их представления о дальнейшем развитии мира приобретали все более американоцентристский характер [16, с. 15]. В результате, американоцентризм, сформировавшийся первоначально как система взглядов поселенцев, прибывших в Америку, проходит через всю историю США, вплоть до наших дней и представляет собой концентрированное выражение убежденности в национальном превосходстве американцев, уникальности их нации и, соответственно, универсальности ее исторического опыта. По мнению Э.Я. Баталова, представление о богоизбранности Америки и населяющего ее народа представляет собой один из базовых элементов традиционной американской Я-концепции [16, с. 15].

Идея о том, что американцы – это «богоизбранный народ», которая «неизменно пронизывает все периоды американской истории», достаточно популярна в американском обществе до сих пор, хотя возникла она еще до 1776 г., т.е. провозглашения Соединенных Штатов Америки в качестве независимого государства. Так, например, идея избранности встречается в ранних пуританских хрониках, а также в постановлениях колониальных ассамблей, речах пуританских проповедников типа Дж. Уинтропа.

В связи с вышеуказанным, необходимо вспомнить, что 21 ноября 1620 г. на западном побережье залива Кейп-Код английские пуритане-кальвинисты в количестве 102 человек, которые были отвергнуты традиционной англиканской церковью и вошедшие в историю как отцы-пилигримы «Нового Ханаана», высадились с корабля «Мейфлауэр». Здесь они основали первое постоянное английское поселение в Новой Англии (и второе по счету европейское поселение в Америке, после основанного в 1607 г. поселения Джеймстаун, ставшего центром колонии Виргиния) – Новый Плимут. Прибывшие в Новый Свет в стремлении создать «Царство Божие на Земле», основали Плимутскую колонию, рассматривая ее именно как земли, где они воплотят «истинные» предначертания Библии [23, с. 20]. Еще находясь на борту пересекавшего Атлантический океан судна, с целью сохранить порядок, лидеры переселенцев заключили между собой соглашение, в которое был включен свод правил, известный как «Мейфлауэрское соглашение». В нем, в частности, была выдвинута идея суверенного народа, а также в самой общей форме свое отражение нашли представления переселенцев о демократии (эти представления были развиты позднее в аналогичных соглашениях, достигнутых колонистами из других колоний, и в более поздних документах американской истории, включая Декларацию независимости) [27; 28].

В XVII в. Америка, материальным воплощением которой были тогда поселения колонистов, представлялась прибывавшим сюда на место постоянного жительства переселенцам из числа пуритан как особое место на Земле – «Новый Ханаан» – «земля обетованная». Вследствие этого пуритане, которые тогда составляли значительную часть представителей формирующейся американской нации, сформулировали один из важнейших символов – «Град на холме» (*City upon a Hill*). Взятое из Библии выражение (Исайя, 2:2; Матф., 5:14) впервые появилось в дневнике будущего губернатора колонии Массачусет-

ского залива Дж. Уинтропа, который он вел на борту парусника «Арбелла», доставившего группу переселенцев к берегам Американского континента. В 1630 г. появилась его знаменитая проповедь «Образец христианского милосердия», в которой он, в частности, призывал к созданию в Новом Свете «Града на холме», «общества добродетели» и именно оно должно стать примером для Старого Света. «И будем мы подробно Граду на Холме, и взоры всех народов будут устремлены на нас; и если мы обманем ожидания нашего Господа в деле, за которое взялись, и заставим Его отказать нам в помощи, которую он оказывает нам ныне, мы станем притчей во языцех всему миру» [15, р. 195-199].

В результате, главная, а в сущности, и основная миссия пуритан, прибывавших на Американский континент, стала заключаться в том, чтобы построить в Новом Свете Царство Божие. Отсюда, как считают многие исследователи, в сознании страны возникло твердая убежденность в том, что американцы есть избранный Богом народ, наделенный правом (в силу предназначения, дарованного свыше) нести свет миру, т.е. распространять свои принципы демократии на остальные народы. «Всецело поглощенный своей жизнью в Новом Свете и восторгающийся ее богатствами, даруемыми ею наградами, американец пестовал не критическую и не подлежащую сомнению уверенность, что это лучший из миров. Моральное превосходство его страны было для американца тоже само собой разумеющимся. Предпосылка превосходства сопровождалась чувством предназначения и миссии», – подчеркивает Г. Коммаджер [5, р. 47].

В постановлении, принятом в 1640 г. Ассамблеей Новой Англии, говорилось: «1. Земля и все, что к ней относится, божьи (принято). 2. Бог может отдать землю или любую ее часть своему избранному народу (принято). 3. Его избранным народом являемся мы (принято)» [22, с. 33].

В 1776 г. в памфлете Т. Пейна «Здравый смысл» также содержалась указанная выше идея. Утверждая, что Американская революция предоставила возможность создать новое, гораздо лучшее общество, а также обосновывая право жителей английских колоний на восстание и распоряжение своей судьбой, Т. Пейн подчеркивал «избранность» американского народа. Весьма примечательно и еще одно высказывание Т. Пейна: «Я не могу не удивляться хвалебным ссылкам на древние истории и деяния, которые мне довелось видеть и слышать... Я не намерен уступать пальму первенства Соединенных Штатов каким бы то ни было грекам или римлянам. Во времена опасности мы были равны самым храбрым, а в создании гражданских форм правления превзошли самых мудрых» [14].

Достижение независимости значительно укрепило представления американцев о своей «богоизбранности». На это обстоятельство в 1789 г. указывал Дж. Вашингтон в своей первой инаугурационной речи, после того как он был избран на пост Президента США. «Воздавая... почести Великому архитектору всякого общественного и частного блага, я питаю уверенность, что это в равной степени выражает и мои и ваши чувства, чувства всех сограждан в целом, как и каждого отдельного соотечественника. Нет ни одного народа, которому следовало бы признать и вознести хвалу Невидимой длани, руководящей делами людей, в большей степени, нежели народ Соединенных Штатов. Каждый шаг, сделанный им на пути к статусу независимого государства, представляется несущим на себе некий знак ниспосланной свыше воли» [24].

При этом долгое время миф об «американской исключительности» имел именно религиозное толкование. Так, например, согласно одной из многочисленных трактовок концепции «американской исключительности», американский Моисей – это сам библейский бог Иегова. Он будто бы вывел свой народ из «египетского» (европейского) ада, решив воздвигнуть на Американском континенте свою столицу. В результате, американцы представлялись народом, «избранным богом», а сама Америка – «божественной страной». Ей отводилась отныне роль верховного арбитра всех остальных народов, которого сам творец наделил способностью познать божественное Провидение [25].

Однако, начиная со времен, относящихся к Войне за независимость, миф об «американской исключительности» трактуется также в политическом ключе [21, с. 81-102].

После 1775 г. Соединенные Штаты Америки, в представлении американцев, предстали не просто как уникальное общество, но как страна, возвышающаяся над всеми другими странами, а американцы – над всеми другими народами. Этому, в частности, во многом способствовала победа в Войне за независимость, в результате которой в мире возникло фактически первое буржуазное по своему характеру государство с республиканской формой правления и политическим режимом в форме демократии. В его рамках была на практике реализована идея разделения властей на три ветви (законодательная, исполнительная и судебная), а большая часть граждан (разве что за исключением некоторых категорий населения США – афро-американцев, индейцев и др.) приобрела комплекс прав и свобод.

Еще один момент был связан с возникновением в США исключительно благоприятных, по сравнению с другими странами мира, условий для организации и осуществления предпринимательской деятельности.

Известный историк Алексис де Токвиль, который совершил путешествие в США в 1831 г., подчеркивал в своей книге «Демократия в Америке»: «Положение американцев совершенно исключительное, и можно считать, что ни одно демократическое общество никогда ранее не оказывалось в аналогичных условиях. Их строго пуританское происхождение, их исключительно коммерческие привычки, даже территория, которую они населяют, как представляется, отвращает их умы от преследования наук, литературы и искусства, близость Европы, которая позволяет им пренебрегать этими преследованиями, не впадая в варварство, тысячи особых причин, из которых я смог указать только на самые важные, направляют ум американцев на чисто практические цели. Его страсти, его желания, его образование, его окружение – кажется, всё объединилось для направления усилий уроженца Соединённых Штатов по направлению к земле. Одна только религия изредка поворачивает его в другом направлении для того, чтобы время от времени бросить мимолётный отвлекающий взгляд на небо. Давайте рассматривать все демократические государства через призму примера американского народа» [29].

Учитывая вышеуказанное, по сути, каждый из Президентов США считал своим долгом подчеркнуть «исключительность» США. Так, например, Т. Джефферсон заявил в 1801 г., что «американский образ правления» – «лучшая надежда мира». Дж. Монро в 1817 г. предлагал американцам «возрадоваться по поводу совершенства наших институтов». Э. Джексон уверял американцев в том, что «глаза всего мира устремлены на эту республику». В 1837 г. М. Ван-Бюрен подчеркнул: «Мощь и влияние республики поднялись на высоты, очевидные для всего Человечества» [32, с. 6].

«Свобода человечества и слава человеческой природы в руках избранного американского народа, – заявил еще в условиях Войны за независимость Дж. К. Адамс. – Божественное Провидение предназначало Америке стать той ареной, где человек проявит свои истинные способности...» [20, с. 159].

Ссылки на «исключительность» американской нации видны в Геттисбергской речи А. Линкольна во время Гражданской войны в США (1861-1865 гг.) 19 ноября 1863 г.: «Скорее, это нам, живущим, следует посвятить себя великой задаче, все еще стоящей перед нами, – перенять у этих высокочтимых погибших еще большую приверженность тому делу, которому они в полной мере и до конца сохраняли верность, исполниться убежденностью, что они погибли не зря, что наша нация с Божьей помощью возродится в свободе...» [10].

Не менее значимым является то, что наиболее значительные войны, которые имели место на территории США, – Война за независимость 1775-1783 гг. и Гражданская война 1861-1865 гг. – не принесли с собой действительно серьезных разрушений, которые бы существенно отбросили назад экономику страны. Наоборот, они создали условия для ее

более ускоренного развития, тогда как военных интервенций со стороны других государств против США и вовсе не было. В результате, США довольно быстро приобрели столь значительный перевес в мощи и силе по сравнению со своими непосредственными соседями, что могли за их счет расширять свою территорию, а затем использовать в качестве дополнительного резерва своего развития эксплуатацию естественных богатств и более дешевой рабочей силы в этих странах. Даже участие в двух мировых войнах XX в. не принесло США разрушений, наоборот, существенно способствовало укреплению их экономики и увеличению влияния в мире.

Таким образом, американцы оказались настоящими «баловнями истории», и эта «избалованность» проявилась в присущей им очень высокой степени национального самодовольства и самолюбования, а, иногда, даже в склонности к откровенному национальному бахвальству.

Важно подчеркнуть и то, что концепция «американской исключительности» фактически изначально получила свое широкое распространение и в среде простых американцев, не относящихся к числу представителей руководства страны, в связи с чем, уместным представляется привести еще одно высказывание Алексиса де Токвиля: «Все свободные народы гордятся собой, но проявление национальной гордости у всех различно. Американцы в своих сношениях с иностранцами не выносят, по-видимому, ни малейшего осуждения и в то же время ненасытны к похвалам. Им приятно самое ничтожное одобрение, но редко бывает довольно и самой большой похвалы, чтобы удовлетворить их. Они преследуют вас на каждом шагу, чтобы вызвать вашу похвалу, и если вы не противитесь их настойчивости, то они хвалят себя сами... Я замечаю американцу, что страна, в которой он живет, прекрасна; он отвечает: "Да, вы правы, нет другой такой страны в свете!"...» [29].

В этом смысле, как подчеркивают отечественные исследователи, исключительность выступает именно как превосходство: политический строй самый совершенный, идеалы самые гуманные, цели самые благородные, а американский народ – «богоизбранный народ» [26, с. 42]. И что примечательно, последнее прослеживается также и в том, что нередко известные политические деятели США сравнивали страну с одним из государств Древности, называя ее «американским Израилем». К примеру, Т. Джефферсон считал, что американцы – это «дети Израилевы». В 1805 г. он подчеркнул: «Бог вел наших предков так, как некогда израильтян».

«Подобно тому, как гигантские столетние деревья возвышаются в американских лесах над всеми другими, так и США представляют собой уникальное явление, в их руки брошен факел руководства свободным миром», – подчеркивал в одной из своих многочисленных работ историк Томас Э. Бэйли [1, р. 680].

Таким образом, концепция «американской исключительности» выступает в качестве своеобразного стержня, укрепляющего всю существующую в настоящее время идеологическую систему взглядов американцев относительно окружающего их внешнего мира, их внешнеполитический менталитет.

Список источников и литературы

1. Bailey Thomas A. The American Pageant. Ithaca: Cornell University Press, 1950.
2. Boorstin Daniel J. The Americans: The Colonial Experience. New York: Random House, 1958.
3. Boorstin Daniel J. The Americans: The National Experience. New York: Random House, 1965.
4. Boorstin Daniel J. The Americans: The Democratic Experience. New York: Random House, 1973.
5. Commager H. The American Mind. New York, 1962.

6. Dull D. The Politics of American Foreign Policy. Englewood Cliffs, 1985.
7. Glazer N. American Values and American Foreign Policy // Commentary. Vol. 62. July 1976. №1.
8. Hartz L. The Liberal Tradition in America. New York: Harcourt Brace, 1955.
9. Schlesinger, Arthur M. Jr. Cycles of American History. Boston: Houghton Mifflin, 1986.
10. Lincoln A. Gettysburg Address. November 19, 1863. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Gettysburg_Address.
11. Lipset S.M. The First New Nation. New York: Random House, 1963.
12. McCrisken Trevor B. Exceptional // Encyclopedia of American Foreign Policy. 2006. URL: <http://www.americanforeignrelations.com/index.html>.
13. Madsen Deborah L. American Exceptionalism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.
14. Paine Th. Common Sense. January 10, 1776. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Common_Sense.
15. Winthrop J. A Modell of Christian Charity // The Puritans: A Sourcebook of Their Writings / Eds. by P. Miller and Thomas H. Johnson. New York: Harper Torchbooks, 1963.
16. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005.
17. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М.: Прогресс; Литера, 1993.
18. Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М.: Прогресс; Литера, 1993.
19. Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. М.: Прогресс; Литера, 1993.
20. Дементьев И.П. Теория «американской исключительности» в исторической мысли США // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 81-102.
21. Гаджиев К.С. США: эволюция буржуазного сознания. М.: Наука, 1981.
22. Ефимов А.В. Социальный аспект биологической категории «раса» // Против расизма. М., 1966.
23. Иванян Э.А. История США. М.: Дрофа, 2006.
24. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789-2001 гг.) (с историческими комментариями) / Общ. ред. и комментарии Э.А. 25 Иваняна. М.: Изд-во «Стратегия», 2001.
25. Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура / Отв. ред. Ю.К. Мельвиль, Е.Ф. Язьков. М.: Изд-во Моск. унт-та, 1993.
26. Общественное сознание и внешняя политика США / Колл. авт.: Замошкин Ю.А., Иванян Э.А., Петровская М.М. и др. М.: Наука, 1987.
27. Слезкин Л.Ю. Соглашение на «Мэйфлауэре» // Новая и новейшая история. 1974. № 5. С. 167-177.
28. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории... В 2-х частях. Ч.1. М.: Наука, 1978; Ч.2. М.: Наука, 1980.
29. Токвиль Алексис де. О демократии в Америке. М.: Прогресс, 1992.
30. Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1993.
31. Шлезингер-младший Артур М. Циклы американской истории. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992.
32. Яковлев Н.Н. Силуэты Вашингтона. М.: Мысль, 1983.

Д.В. Кузнецов

**ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА
АМЕРИКАНЦЕВ:
МИФ О «ЯВНОМ ПРЕДНАЧЕРТАНИИ» ИЛИ «ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИИ СУДЬБЫ»**

*Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск
kuznetsov_d@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается один из элементов внешнеполитического менталитета американцев – миф о «явном предначертании» или «предопределении судьбы».

Ключевые слова: США, массовое сознание, общественное мнение, внешняя политика, внешнеполитический менталитет, миф о «явном предначертании» или «предопределении судьбы».

Dmitry V. Kuznetsov

**IDEOLOGICAL BASES OF AMERICANS' FOREIGN POLICY MENTALITY:
THE MYTH ABOUT «MANIFEST DESTINY»**

*Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Blagoveshchensk*

Summary: The paper discusses one of the elements of foreign policy mentality of Americans: the myth about «Manifest Destiny».

Key words: the USA, mass perception, public opinion, foreign policy, foreign policy mentality, the myth about «Manifest Destiny».

Еще одна важная составляющая внешнеполитического менталитета американцев – миф о «явном предначертании» или «предопределении судьбы» (*Manifest Destiny*) предполагает, что судьба независимого государства, возникшего в 1776 г., т.е. Соединенных Штатов Америки, изначально была предопределена свыше и США как первая в мире страна, где укоренились принципы демократии, с республиканской формой правления, в XIX в. – фактически единственное государство буржуазного типа, должны «нести» эти идеалы другим народам, первоначально на Американском континенте, а затем и по всему миру.

В этой концепции слились воедино вполне оправданная гордость американцев за некоторые институты, являвшиеся наиболее демократическими в свое время, надежды пуритан-переселенцев на свободу вероисповедания, которой они были лишены в Старом свете, стремление обратить аборигенов в христианскую веру, а также убежденность в том, что именно Новый Свет является «Землей обетованной» для беглецов из «погрязшей в пороке» Европы. Безусловное влияние оказала и кальвинистская идея «предопределения», занимающая центральное место в идеологии пуританизма. В результате, распространив учение о «Ковенанте благодати» на всю общественную организацию Америки, пуритане объявили народом, которого Бог удостоил особой миссии – восстановить чистоту религии на земле Америки.

В соответствии с этим, экспансионистский по своей сущности лозунг *Manifest Destiny*, в высшей степени догматически выражал самоуверенность и амбиции относительно

того, что присоединение к Америке соседних земель было «фактически неизбежной священной миссией, возложенной на нацию самим Провидением», – подчеркивает Альберт К. Уайнберг, автор фундаментальной работы, в 15 главах которой он последовательно проанализировал 15 исторических истолкований *Manifest Destiny*, правда в апологетическом ключе [13, р. 1-2]. Он считает, что экспансия США есть не что иное, как проявление «альтруистических» устремлений американцев. Весьма подробно изучив аргументацию адептов мифа о «явном предначертании» или «предопределении судьбы», Альберт К. Уайнберг насчитал в итоге полтора десятка его вариантов. «Впечатляют уже самые размеры присоединенной территории, но что поистине поражает, так это диапазон идей..., выдвигаемых в оправдание этого расширения... владений за счет других, обычно более слабых народов» [13, р. X]. При этом, когда один аргумент утрачивает всякую видимость состоятельности, на его место сразу выдвигается другой.

Ф. Мерк подчеркивал, что *Manifest Destiny* «это экспансионистская доктрина, но ее следует отличать от идеи американской миссии, поскольку именно последняя, а не экспансионизм *Manifest Destiny*, выработала в прошлом и вырабатывает в настоящем высокие идеалы американского народа» [4, р. 3].

Еще до момента провозглашения США в качестве независимого государства колонисты были уверены в том, что Америка находится под особым покровительством Бога, но тогда преобладающей являлась именно теологическая трактовка этой идеи. Так, «отцы-основатели» верили, что появление пуритан в Америке, где они в конце концов установили свои, демократические по сути, порядки, освящен волей самого Всевышнего, который как бы предначертал им жизнь в Новом Свете. Усиленно внушаемая колонистам-пуританам их проповедниками идея вытекала из занимавшего центральное место в пуританской идеологии учения идеолога Реформации Ж. Кальвина о предопределении.

Интерпретация этой идеи в политическом ключе начинается в условиях Войны за независимость, когда принципы демократии буржуазного образца, утвердившиеся в новом государстве, породили иллюзии о коренном отличии политических институтов США от господствовавших тогда жестких во многих отношениях политических систем в подавляющем большинстве стран мира [23, с. 53-145].

С. Бемис, автор «Дипломатической истории Соединенных Штатов», работы, выдержавшей несколько изданий (первое – в 1936 г.), подчеркивает, что «сам термин *Manifest Destiny* появился не ранее, как в кульминационный момент экспансионистского движения в 1845 г., но идея, вкладываемая в этот термин, давно носилась в воздухе и оказывала влияние на умы государственных деятелей Северной Америки, начиная уже с приобретения Луизианы» [21, с. 22]. Так, например, еще в 1819 г. Дж. К. Адамс, будучи тогда государственным секретарем США, объявил политику территориальных захватов, которая уже с начала XIX в. осуществлялась США, «законом природы», заявив, что «мир должен освоиться с мыслью считать в качестве нашего законного владения континент Северной Америки». И далее: «С того времени, как мы стали независимым народом, то, что это стало нашей претензией, является в такой же мере законом природы, как то, что Миссисипи течет в море».

Термин *Manifest Destiny*, по мнению С. Бемиса, «представляет собой широко и глубоко распространенное в американском народе убеждение, что явным предначертанием Республики было распространение ею на всем континенте Северной Америки посредством мирного процесса и путем силы республиканского примера и принципов правления» [1].

В своем окончательном виде эта идея была высказана в июле 1845 г. в статье журналиста Джона Л. О' Салливана [9] «Аннексия», опубликованной в периодическом издании *United States Magazine and Democratic Review* и посвященной техасскому вопросу. Правда чуть ранее, в 1838 г., Джон Л. О' Салливан в статье «Будущее великой нации», подчеркивая «избранность» американского народа, основавшего самую совершенную в

мире демократию, призвал «во имя распространения равенства» захватить тот же Техас, а также еще ряд территорий (Орегон, а также Калифорнию), в том числе Кубу и даже Канаду. «Поле деятельности США будет Западное полушарие, их крышей – небесный свод, усыпанный сверкающими звездами, их собранием – союз многих республик, населенных миллионами счастливых людей... управляющихся божественными... законами равенства» [8].

В статье же «Аннексия» Джон Л. О' Салливан подчеркивал, что США должны осуществить аннексию Техаса не только потому, что этого хочет сам Техас, но и потому, что это есть «наша предначертанная судьба, в том, чтобы распространить влияние на континент, уготованная Провидением в целях свободного развития ежегодно умножающихся миллионов американцев» [6, p. 5-10].

В отличие от Луизианы, которая была приобретена США в 1803 г. у Франции всего за 15 млн. долларов, причем практически без каких-либо проблем, присоединение Техаса было сопряжено с определенными трудностями, в первую очередь ввиду существования с 1836 г. на его территории так называемой «Республики Техас», которая была признана некоторыми крупными государствами. Однако Президент США Джеймс К. Полк, который в условиях своей предвыборной кампании в 1844 г. постоянно выступал за аннексию Техаса, проявил решительность и 15 июня 1845 г. на территорию Техаса вступили американские войска. 29 декабря 1845 г. был подписан одобренный Конгрессом США билль о включении Техаса в состав США на правах штата [24].

Одновременно с этим Джон Л. О' Салливан выступил с аналогичными мыслями в *New York Morning News*, однако уже применительно к Орегонским землям. В статье, опубликованной в номере от 27 декабря 1845 г., указывалось: «И, наконец, помимо неопровержимых доказательств наших законных прав на Орегон... у нас есть еще большее право, нежели любое, которое когда-либо может быть выведено из всех этих устаревших документов древнего международного права. Мы не нуждаемся во всех этих покрытых пылью бумагах о правах открытия, исследования, заселения, преемственности и т. д. Если быть откровенными и говорить прямо, чем мы пренебрегаем, то можно сказать, что, будь соответствующие доводы и аргументы обеих сторон, касающиеся всех этих исторических и юридических вопросов, противоположными – имей Англия все наши, а мы только ее, – наши претензии на Орегон тем не менее были бы самыми вескими и бесспорными. Эти претензии основаны на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас великой миссии: установить свободу и федеративное самоуправление» [5].

После этого указанная идея окончательно вошла в политический лексикон США. Идеи, заложенные в статьях Джона Л. О' Салливана, мгновенно подхватили политические и общественные деятели – ярые приверженцы экспансионистской политики, а также журналисты [14, с. 116-129]. Они стали часто фигурировать в прессе и в речах, раздававшихся с трибуны Конгресса США, причем, высказанные применительно к Орегону, сразу же приобрели более широкое звучание. Адепты концепции утверждали, будто американцы – это избранный народ, которому сама судьба предназначила превратить Америку в «зону свободы». Реставрируя старую «доктрину естественных границ», они заявляли, что на Западе такой «естественной» границей США является Тихий океан. Из этого вытекало, что весь Орегон, и не только (речь шла также и о Калифорнии), не говоря уже о Техасе, должны в конечном счете войти в состав США.

В 1846 г. концепция неоднократно упоминалась в ходе дебатов в Конгрессе США, где в Сенате и Палате представителей разгорелись жаркие споры по орегонскому вопросу. В конечном счете, 23 апреля 1846 г. обе палаты Конгресса США приняли резолюцию, в соответствии с которой Президенту США Джеймсу К. Полку предоставлялось право ре-

шать вопрос об Орегоне. 15 июня 1846 г. значительная часть Орегона, благодаря договоренностям, достигнутым с Англией, также оказалась под контролем США.

Примечательно, что первоначально идея, изложенная Джоном Л. О' Салливаном, вовсе не представляла собой призыв к территориальному расширению с использованием для этого силы, поскольку он полагал, что это должно происходить без использования вооруженных сил, посредством добровольного вхождения отдельных территорий в состав США. Однако в дальнейшем она была подхвачена экспансионистски настроенными кругами, не исключавшими применение насилия и, кроме того, как уже говорилось выше, приобрела более широкое, чем прежде, звучание. Некоторые исследователи даже называют период 1815-1860 гг., в течение которого и происходило самое значительное в истории США расширение их территории, в качестве «эпохи явного предначертания или предопределения судьбы» («*Era of Manifest Destiny*»).

Обращаясь к конкретным примерам, подчеркнем, что во время войны с Мексикой (1846-1848 гг.) «явное предначертание» или «предопределение судьбы» было использовано в качестве обоснования захватов, осуществленных в ходе военных действий, когда указывалось, что «упрямство» южного соседа заставит США «выполнить ту судьбу, которое Провидение, вероятно, предначертало для обеих стран» [3, p. 83-99].

В дальнейшем, в 1854 г. авторы знаменитого Остендского манифеста, требуя присоединения к США «жемчужины Антил», т.е. Кубы, любым путем, также говорили о «явном предначертании» или «предопределении судьбы»: Куба «естественным образом принадлежит к великой семье штатов, которые Союз опекает от лица Провидения».

В результате, все это позволило фактически оправдать предпринятые тогда руководством США действия, направленные на расширение территории США путем экспансии на континенте в западном направлении вплоть до побережья Тихого океана [25] и Господь Бог, таким образом, как бы предначертал этой стране властвовать в Северной Америке. Исключение составляло разве что присоединение Аляски, которое, как известно, происходило в условиях достаточно серьезной общественно-политической борьбы [15, с. 117-124], в сочетании с постоянно усиливавшимся скепсисом среди представителей американской общественности [18, с. 157-175].

На рубеже XIX и XX вв., когда возникла необходимость обоснования территориальной экспансии США на Западное полушарие, т.е. за пределы Северной Америки, что было особенно очевидным в условиях испано-американской войны 1898 г., стало использоваться гораздо более широкое толкование указанной идеи [7; 20]. При этом в течение предшествующего периода сторонники концепции «явного предначертания» или «предопределения судьбы» сравнивали испанскую колонию Кубу с перезревшим плодом, готовым упасть в протянутые руки США.

В 1898 г., когда решался вопрос об аннексии Гавайских островов, У. Маккинли, занимавший тогда пост Президента США, заявил: «Нам необходимы Гавайи, даже в большей степени, чем нам была нужна Калифорния. Это предначертанная судьба» [22].

Тогда в США развернулась настоящая дискуссия, результатом которой стало появление многочисленных работ, авторами которых являлись сторонники этой идеи (Уильям Г. Сьюард, Д. Фиске, Дж. Стронг, Д. Барджесс, А. Мэкен и др.) [19].

В этом же ключе следует рассматривать также разработку историком Фредериком Дж. Тернером теории, которая придала новое, гораздо более оригинальное звучание концепции «явного предначертания» или «предопределения судьбы». Речь, в частности, идет о том, что еще в 1893 г. Фредерик Дж. Тернер, выступая на съезде Ассоциации американских историков в Чикаго с докладом «Значение Фронтiera в американской истории» (в 1920 г. Фредерик Дж. Тернер опубликовал труд «Фронтир в американской истории», основанный во многом на его докладе) [12], указал на то, что американская история – это прежде всего продукт естественных условий самой Америки, и сформулировал так называемую теорию Фронтiera, т.е. границы, в соответствии с которой национальный характер

американцев определялся наличием свободной земли и, соответственно, постоянным, в течение всей истории США продвижением границы на Запад (анализ концепции Фредерика Дж. Тернера был проведен в работах Н.Н. Болховитинова) [16; 17]. «Свободная земля обеспечивала установление равенства среди... поселенцев и препятствовала аристократическому влиянию... Вплоть до наших дней история Америки является в значительной степени историей колонизации Великого Запада. Существование пространства свободной земли, его постепенное медленное сокращение и продвижение населенной полосы (границы) на Запад объясняют развитие Америки», – подчеркивал Фредерик Дж. Тернер [12].

При этом наличие свободных земель на Западе всегда служило своего рода социальным «предохранительным клапаном», «отдушиной» для недовольных, а также способствовало складыванию таких черт национального характера американцев, как предпринимательство, индивидуализм, свободолобие, оптимизм, вера в собственные силы. Подчеркивая влияние новых естественных условий («окружения»), в которые попадали поселенцы, как фактора, преобразовывавшего старые европейские идеи, традиции и учреждения в американские, Фредерик Дж. Тернер утверждал, что «демократия родилась не из мечты теоретиков». И далее: «Она не была привезена... на "Мэйфлауэре". Полная жизни и энергии, она вышла из американского леса и становилась все сильнее каждый раз, когда прикасалась к границе. ...свободные земли, изобилие природных ресурсов создали демократический тип общества в Америке...» [12].

В результате, теория Фронттира и ее отдельные элементы в определенной степени оказались для руководства США дополнительным оправданием активной экспансионистской по своей сущности внешней политики США. «Доминирующим фактором американской жизни всегда было движение, и опрометчив был бы тот пророк, который стал бы утверждать, будто экспансивный характер американской жизни полностью заглох. Американская энергия будет непрерывно требовать все более широкого поприща для своего применения», – подчеркивал Фредерик Дж. Тернер [12].

Однако, ради справедливости следует подчеркнуть, что тогда же концепция «явного предначертания» или «предопределения судьбы» стала подвергаться критике со стороны отдельных представителей американской общественности, считавших, что неограниченные действия США по расширению своей территории, используя в качестве оправдания концепции «предопределения судьбы», должны иметь предел, иначе это будет иметь исключительно неблагоприятные последствия (К. Шурц и др.) [10].

В дальнейшем, т.е. уже в XX столетии, рассматриваемая концепция использовалась уже не так часто и не так очевидно, как ранее, поскольку расширение территории США в силу естественных географических пределов фактически перестало быть частью «судьбы» Америки. Термин *Manifest Destiny* перестал широко употребляться в политическом лексиконе США, хотя в публицистической литературе он фактически до сих пор продолжает широко использоваться для обозначения американской «миссии» по продвижению демократии во всем мире [2; 11]. При этом была предпринята попытка пересмотреть эту концепцию в духе ее оформления в идею о гораздо более существенной «миссии» США, охватывающей территорию всего земного шара.

Список источников и литературы

1. Bemis S. A Diplomatic History of the United States. New York, 1936, 1942, 1950, 1955, 1959.
2. Carlisle, Rodney P., Golson, J. Geoffrey. Manifest Destiny and the Expansion of America. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2007.
3. Frahm S. The Cross and the Compass: Manifest Destiny, Religious Aspects of the Mexican-American War // Journal of Popular Culture. Vol.35. № 2. Fall 2001. P. 83-99.

4. Merk F. *Manifest Destiny and Mission in American History. A Reintepretation.* New York: Alfred A. Knopf, 1963.
5. Merk F. *The Oregon Question.* Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1967.
6. O'Sullivan J. *Annexation // United States Magazine and Democratic Review.* Vol.17. №1. July-August 1845. P. 5-10.
7. Petcher, David M. *The Diplomacy of Annexation. Texas, Oregon, and the Mexican War.* Columbia: University of Missouri Press, 1973.
8. Pratt J.W. *John L. O'Sullivan and Manifest Destiny.* New York, H. Holt and Co., 1933.
9. Sampson, Robert D. *John L. O'Sullivan and His Times.* Ohio: Kent State University Press, 2003.
10. Schurz C. «Manifest Destiny» // *Harper's New Monthly Magazine.* Vol. LXXXVII. №521 (October, 1893). P. 737-746. URL: https://en.wikisource.org/wiki/“Manifest_Destiny”.
11. Stephanson A. *Manifest Destiny: American Expansionism and the Empire of Right.* New York: Hill and Wang, 1995.
12. Turner Frederick J. *The Frontier in American History.* New York: Henry Holt and Co, 1920.
13. Weinberg Albert K. *Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in America History.* Chicago: Quadrangle Books, 1963. P. 1-2.
14. Алентьева Т.В. *Война с Мексикой в 1846-1848 годах и американское общественное мнение // Вопросы истории.* 2006. № 8. С. 116-129.
15. Батуева Т.М. *Прохождение договора о покупке Аляски в Конгрессе США в 1867-1868 гг. // Новая и новейшая история.* 1971. № 4. С. 117-124.
16. Болховитинов Н.Н. *О механизме действия «предохранительного клапана» в истории США // Новая и новейшая история.* 1970. № 4. С. 23-35.
17. Болховитинов Н.Н. *О роли «подвижной границы» в истории США (Критический анализ концепции Фредерика Дж. Тернера) // Вопросы истории.* 1962. № 9. С. 57-74
18. Болховитинов Н.Н. *Общественность США и ратификация договора 1867 г. // Американский ежегодник.* 1987. М., 1987. С. 157-175.
19. Дементьев И.П. *Идейная борьба в США по вопросам экспансии на рубеже XIX-XX вв. М.: Изд-во Моск. ун-та,* 1973.
20. Зубок Л.И. *Идеология экспансионистов США конца XIX – начала XX века // Новая и новейшая история.* 1966. № 6. С. 45-56.
21. Иноземцев Н.Н. *Внешняя политика США в эпоху империализма. М.: Госполитиздат,* 1960.
22. Куропятник Г.П. *Захват Гавайских островов США. М.: Соцэкгиз,* 1958.
23. Пархоменко В.К. *Теория «явного предназначения» // США: политическая мысль и история / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. М.: Наука,* 1976. С. 53-145.
24. Потокова Н.В. *Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки, 1821-1845 гг. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та,* 1986.
25. *Экспансионистская политика США в первой половине XIX века. Иркутск: Изд-во ИГУ,* 1981.

С.В. Кухаренко

ДИНАМИКА И ПРИЧИНЫ УХУДШЕНИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*Благовещенский государственный педагогический университет,
г. Благовещенск
kukhareno_s@mail.ru*

Ключевые слова: Россия, США, российско-китайские отношения, ухудшение.

Sergey V. Kukhareno

THE DYNAMICS AND CAUSES OF RUSSIA-AMERICAN RELATIONS DETERIORATION

*Blagoveshchensk State Pedagogical University,
Blagoveshchensk*

Key-words: Russia, US, US-Russia relations, deterioration.

Не нужно быть крупным экспертом в международных отношениях, чтобы осознать очевидность того, что отношения между США и Россией в настоящее время переживают наихудшее состояние с момента окончания «холодной войны».

Большинство экспертов вполне справедливо отмечают, что присоединение Крыма к Российской Федерации и поддержка Москвой руководства самопровозглашенных республик ДНР и ЛНР запустило новый виток напряженности в отношениях между Россией и странами Запада, в первую очередь США. В то же время, считать украинский кризис отправной точкой ухудшений российско-американских отношений было бы, безусловно, ошибочно.

Основные моменты, по которым современная Россия выражает категорическое несогласие с проводимой США политикой, были озвучены еще в 2007 г. В.В. Путиным в его небезызвестной Мюнхенской речи. Российско-грузинский конфликт, произошедший уже в период президентства Д.А. Медведева, повлек на то время самое сильное охлаждение отношений между Россией и США с момента окончания «холодной войны». Уже тогда в экспертном сообществе также появились разговоры о начале новой «холодной войны» между Россией и США.

Тем не менее, уже в 2009 г. было объявлено о «перезагрузке» российско-американских отношений. Несомненно, некоторому улучшению отношений и развороту в сторону США способствовала как личность президента Д.А. Медведева и взгляды его более западноориентированного окружения, так и личность президента Барака Обамы, стремящегося пересмотреть многие аспекты внешней политики предыдущей президентской администрации.

В российско-американских отношениях действительно наметилась положительная динамика. В апреле 2010 г. Дмитрий Медведев и Барак Обама подписали новый Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-III), который вступил в силу в феврале 2011 г. В июне 2010 г. Россия поддержала подготовленную США и рядом европейских стран резолюцию Совета Безопасности ООН № 1929, которая предусматривала меры по усилению санкций в отношении Ирана [16]. Россия также дала разрешение

на транзит грузов авиации США в Афганистан [19]. Наконец в 2012 г. при прямой поддержке США Россия стала членом Всемирной торговой организации (ВТО).

Тем не менее, тянувшийся шлейф противоречий так и не дал политике «перезагрузки» совершить революционный прорыв в отношениях между Россией и США. Так, на фоне редкого периода позитивного настроения в российско-американских отношениях уже в июне 2010 г., когда, казалось, ничего не предвещало их резкого ухудшения, в США были арестованы 10 россиян по обвинению в шпионаже [10]. Как оказалось, за российскими гражданами велась слежка ни один год. Момент для их ареста был выбран явно не самый удачный с точки зрения политики «перезагрузки» отношений.

Гораздо более серьезная трещина в отношениях между Россией и США наметилась после того, как получив согласие России в Совете Безопасности ООН на создание беспилотной зоны, объекты, контролируемые режимом М. Кадаффи, были подвергнуты ударам с воздуха авиацией США и их союзников.¹ 20 октября 2011 г. Муммар Каддафи был убит. Ранее, в мае 2011 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров в интервью газете «Московские новости» сказал, что «коалиция, по сути, открыто объявляет, что в ее задачу входит смена режима» [5].

Политические протесты, начавшиеся после выборов в Государственную думу VI созыва 4 декабря 2011 г. и после президентских выборов 4 марта 2012 г. также оказали негативное влияние на возможность улучшения отношений между Россией и США. Генеральный прокурор РФ Юрий Чайка выразил мнение, что митинги в декабре 2011 г. были оплачены из-за рубежа [13]. Игорь Гартман, эксперт издания «IzRus», анализируя выступление президента Российской Федерации в феврале 2012 г. отмечает, что В.В. Путин пытается представить протестные акции в России как очередное проявление вмешательства Запада во внутренние дела других государств, применяя при этом методы, усовершенствованные во время «арабской весны» [2].

Тему волны «цветных революций» на постсоветском пространстве, так или иначе поддерживаемых США, следует упомянуть отдельно. Здесь взгляды России и США на природу данного рода «цветных революций» также в корне различны. Если официальные представители США указывают на преувеличение роли США в смене режимов, то позиция России состоит в том, что «цветные революции» – плод сознательной манипуляции спецслужб США. Так, бывший посол США в России Майкл Макфол в интервью Radio Free Europe не выдвинул встречные обвинения, заявив, что российский лидер преувеличивает силы США. По его словам «у Владимира Путина существуют «смехотворные стереотипы», что именно Америка заварила революции вроде «арабской весны» и протесты россиян в 2012 году. Именно эти стереотипы, по мнению Майкла Макфола, и стали причиной возникновения напряженности между Россией и США и концом «перезагрузки» [4].

Что касается, противоположной точки зрения, то здесь следует отметить в частности исследование, проведенное Центром стратегических оценок и прогнозов «Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах» [3]. Авторы исследования приходят к выводу, что, таким образом, в «действиях заказчиков и организаторов «бархатных революций» просматривается достаточно четкая геополитическая и геоэкономическая логика: постепенный, пошаговый, но жесткий перевод под контроль США стратегических источников и маршрутов транспортировки энергоресурсов из Каспийского региона» [3, с. 231]. Поскольку, все протестные движения организовывались некоммерческими организациями, получающими западные гранты, то и управлялись они, согласно логике авторов с Запада [3, с. 233].

¹ Согласно резолюции Совета безопасности ООН1973 также разрешалось применение любых средств для защиты мирного населения, за исключением пребывания оккупационных сил на территории Ливии.

Внес ли Запад значимую роль в эти протесты или нет, опасения по поводу организации США очередной «цветной революции» в России стали основанием для еще одного витка ухудшения российско-американских отношений. Поводов для подобного рода подозрений оказалось более чем достаточно.

По всей видимости, исходя из вышеупомянутых опасений в наличии влияния США на внутреннюю политику России в сентябре 2012 г. было закрыто представительство Агентства США по международному развитию (USAID).

Несколькими месяцами ранее, в июне 2012 г. был внесён законопроект, а в июле 2012 г. Государственная дума РФ приняла поправки к закону «О некоммерческих организациях». В соответствии с этим законом статус иностранного агента получили российские некоммерческие организации, которые занимаются «политической деятельностью» на территории России – «участвуют в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях» [11]. При этом «к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, соцподдержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты животного и растительного мира, благотворительная деятельность» и получают «денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства» [11]. Поправка вызвала критику со стороны официальных лиц США и других стран Запада.

«Акт Магнитского», принятый в декабре 2012 г. и предшествующие ему неоднократные упреки со стороны американских и европейских представителей власти в сторону России относительно дела Сергея Магнитского¹ также стали значимым раздражителем для российских властей. Практически немедленным ответом на «Акт Магнитского» со стороны России стало принятие закона, запрещающего гражданам США усыновлять российских детей-сирот [12].

В этой связи, нельзя считать неожиданным предоставление политического убежища российскими властями Эдварду Сноудену в 2013 г., что также способствовало ухудшению к тому времени и так непростых отношений между Россией и США.

Также стоит уделить внимание царившей истерии со стороны западной общественности и в западных СМИ относительно дела группы Pussy Riot, члены которой Надежда Толоконникова и Мария Алехина были арестованы по обвинению в хулиганстве в Храме Христа спасителя в марте 2012 г., спев, в том числе, строки «Богородица Дева, Путина прогони». Международная правозащитная организация «Международная амнистия» признала арестованных узниками совести [14]. В сентябре 2012 г. осуждённые участницы группы Pussy Riot первыми в России удостоились «Премии мира» имени Джона Леннона [7]. В ноябре 2012 г. Pussy Riot заняла 16-е место в рейтинге 100 самых влиятельных мыслителей года по версии журнала Foreign Policy [15]. 15 января 2014 г. Pussy Riot были номинированы на музыкальную награду NME Awards в категориях «Герой 2013 года» и «Музыкальный момент года», в номинации «Злодей года» был представлен В.В. Путин [6]. Внимание к группе Pussy Riot со стороны стран Запада можно рассматривать и в более широком контексте поощрения, в том числе финансового, современного искусства в России, зачастую являющегося оппозиционным к действующей власти.

¹ В апреле 2010 г. член сената США Бенджамин Кардин попросил госсекретаря Хиллари Клинтон закрыть визовый коридор в США для 60 российских чиновников, якобы причастных к хищению и к смерти Сергея Магнитского. В мае 2010 г. семья покойного Сергея Магнитского получила официальные соболезнования от президента Барака Обамы. В сентябре 2010 г. конгресс США проголосовал за инициативу сенатора Бенджамина Кардина. В декабре 2010 г. инициативу поддержал Европарламент.

Отдельной темой для нападок со стороны Запада, в том числе западной общественности, что, пожалуй, нельзя назвать скоординированной акцией какого-либо правительства, на проводимую российской властью внутреннюю политику стала тема ущемления прав сексуальных меньшинств. Критике подвергается, в частности, принятый 11 июня 2013 г. Государственной думой РФ закон, запрещающий «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних».

Пожалуй, одной из наиболее чувствительных проблем для российской стороны на протяжении вот уже нескольких лет является проблема американской ПРО. И хотя США неоднократно заявляло о том, что система ПРО не направлена против России, а имеет своей целью недопущение угрозы со стороны стран-изгоев, в том числе Ирана и Северной Кореи, анализ географии размещения элементов ПРО США все-таки явно показывает их направленность против России. И если в 1999 г. президент РФ Б.Н. Ельцин высказал лишь озабоченность переводом в практическую плоскость работ по созданию системы ПРО США, то в конце 2005 года начальник Генштаба ВС РФ Ю.Н. Балухович в интервью польскому изданию «Газета wyborcza» заявил, что, хотя он и не предвидит ядерного конфликта между Россией и Западом, но тем не менее страны, которые примут участие в создании американской системы ПРО, должны понимать последствия: «Пожалуйста, строите щит. Только подумайте, что потом вам будет падать на голову» [9]. С этого времени риторика российских официальных лиц относительно планов США по расширению элементов ПРО неуклонно нарастала. В июле 2007 г. сенат США утвердил поправку к закону о военных расходах на 2008 г., согласно которой создание системы ПРО должно стать официальной государственной политикой США. В качестве ответной реакции, несколькими днями позже В.В. Путин подписал Указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооружённых силах в Европе и связанных с ним международных договоров», а в августе объявил об отданном им приказе возобновить постоянные полёты российской стратегической авиации, не производившиеся уже на протяжении 15 лет.

Таким образом, видно, задолго до украинского кризиса, в особенности в период с 2007 по 2013 гг., российско-американские отношения были перегружены событиями негативного характера. Иногда для этого были реальные поводы, иногда СМИ и политические деятели обеих стран раздували скандалы, там, где их могло бы и не быть.

На самом же деле российско-американские отношения, начиная с окончания неудавшихся попыток А.В. Козырева построить союзнические отношения с Западом, ухудшались прямо пропорционально проведению Россией более самостоятельной политики и отстаиванию своих национальных интересов.

В своих мемуарах Евгений Примаков вспоминает, как однажды бывший президент США Ричард Никсон спросил Андрея Козырева о том, каковы интересы новой России. Андрей Козырев ответил, что «теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен» [8, с. 210].

С начала проведения «доктрины Примакова» до Мюнхенской речи В.В. Путина, вылившейся уже в практические действия во время российско-грузинского конфликта 2008 г. политику России в отношении США можно охарактеризовать как более критически настроенную политику к действиям США, в особенности на постсоветском пространстве. В этот период Россия уже начинает открыто не соглашаться с политикой проводимой США, иногда даже совершать некоторые символические акции, в том числе военного плана, как например, получивший большую известность марш-бросок на Приштину в 1999 г.

Мы определено наблюдали еще в большей степени самостоятельную внешнюю политику России, начиная с российско-грузинского конфликта 2008 г., достигшую своего апогея в присоединении Крыма к Российской Федерации в 2014 г.

В первых числах марта 2014 г. государственный секретарь США Джон Керри отметил в телеинтервью, что «перезагрузка» осталась в прошлом. Не раз от целого ряда экспертов звучали и мнения о начале новой «холодной войны» между Россией и США. Однако, как справедливо отмечает в своей статье в издании «Россия в глобальной политике Федор Лукьянов», опасения о начале новой холодной войны оказались безосновательны [18]. Джеффри Соммерс, как и целый ряд других экспертов, профессор университета Висконсин-Милуоки в своей недавней статье в *The New York Times* приходит к выводу, что цели политики санкций со стороны США в отношении России не были достигнуты, что требуется изменение политики США в отношении России. Такие мнения стали звучать все чаще в американской прессе.

Глава ЦРУ, Джон Бреннан также высказал надежду на улучшение отношений между США и Россией, в частности в сфере обмена разведанными [17], что стало наиболее актуальным с растущей угрозой со стороны Исламского государства, в особенности после серии терактов в Париже. Появились и некоторые другие одобрительные отклики со стороны первых лиц США в отношении действий России в Сирии и ее роли в урегулировании сирийского конфликта.

В связи с рассмотрением динамики ухудшения российско-американских отношений в последние годы становится очевидно, что:

Во-первых, зачастую ухудшение российско-американских отношений происходило как серия ответных шагов на действия друг друга. Справедливо говорить о раскручивании некой спирали в эскалации напряженности между Россией и США, в которой переход на новый виток – повышение ставок одной из сторон. Особенно эта тенденция начала прослеживаться с избранием В.В. Путина на пост Президента РФ в 2012 г. Можно выделить даже некоторые «сцепки» конкретных ответных мер – «Акт Магнитского», «закон антимагнитского» (закон Димы Яковлева). Особую роль в создании напряженности следует отдать СМИ обоих государств, которые уделяют повышенное внимание негативным аспектам политики наших стран. Рост негатива в СМИ обоих государств также имеет спиралеобразный характер. Собственно решение России о присоединении Крыма к Российской Федерации вряд ли бы было принято, если бы не откровенно агрессивная политика США по «захвату» постсоветского пространства. По сути, присоединение Крыма также явилось ответным действием России на политику США.

Во-вторых, это ничтожно низкий товарооборот между двумя странами, отсутствие значительных инвестиционных проектов. И, как следствие, как справедливо отметил в своем интервью *Lenta.ru* Андрей Сушенцов [1] отсутствие лоббистских групп, которые пострадают от ухудшения российско-американских отношений.

В-третьих, в политике обоих государств идеологическая составляющая играет не последнюю роль. Ни действия США, ни действия России не продиктованы лишь экономическими или сугубо национальными интересами. Представление о мире и о своем месте в нем у двух великих держав, пусть и не противоречит во всем, но порой не совпадает по весьма значимым моментам. Немало представителей политического истеблишмента США одержимо идеями мессианства, немало из них действительно религиозные люди. Идея продвижения демократии, прав и свобод человека зачастую также носит идейный характер, а не является лишь прикрытием для осуществления своих геополитических планов, как хотелось бы думать некоторым экспертам. Американцы действительно считают себя избранной нацией. Свое идеологическое обоснование геополитических амбиций есть и у России. Идея Третьего Рима, так или иначе, озвучивается устами высшего руководства страны. Владимир Путин зачастую воспринимается как защитник всех христиан по всему миру [20]. Небезызвестна позиция представителей российского руководства по отстаиванию традиционных ценностей. Несомненно, это является идеологическим обоснованием для противопоставления России Западному миру. Случаи с арестом группы Pussy Riot, закон запрещающий «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несо-

вершеннолетних» можно рассматривать в ключе противопоставления идеологий. Третья причина в свою очередь тесно связана с четвертой.

Четвертую, пожалуй, фундаментальную причину я бы охарактеризовал как сопоставимость амбиций при различии возможностей. США – вне всякого сомнения, еще пока имеет неоспоримый статус сверхдержавы. Россия – также наследник одной из двух самых могущественных сверхдержав, не до конца смирившаяся с потерей этого статуса. Отсюда – отношение США к России не более как к региональной державе, которую, по мнению США необходимо сдерживать, препятствовать росту ее влияния, также как и Китая или Ирана, а в случае несогласия с проводимой США политикой наказывать. С другой стороны, мы имеем ситуацию, когда Россия не желает играть роль простого подчиненного на мировой арене, что связано с недавним статусом сверхдержавы и попытками восстановить былое величие, хотя бы до приемлемого уровня. Россия все еще является лидером в некоторых областях, унаследовав это лидерство от СССР – ядерный арсенал, военные и космические технологии, территория, развитая дипломатия и др. Очевидно желание России активно влиять на мировую политику. С другой стороны, Россию никак нельзя назвать лидером в плане экономики, дохода на душу населения, образования, здравоохранения, прав человека, качества работы государственных институтов, продолжительности жизни населения и еще очень многих значимых показателей. Россия видит свое место в мире, акцентируя внимание на былом величии и некоторых пережитках этого величия. США же готовы видеть Россию лишь региональной державой с отсутствием каких-либо зон особых интересов.

Все вышеперечисленные факторы объективно мешают улучшению российско-американских отношений. Даже при наличии доброй воли глав государств, как это было с приходом новых лидеров – Барака Обамы и Дмитрия Медведева, стремившихся, похоже, не на словах, а на деле, улучшить отношения, накопленный комплекс противоречий не дал совершить прорыв в отношениях. В то же время, это не означает, что совершенно никаких улучшений в отношениях США и России невозможно в принципе. Думается, что снижение напряженности в СМИ обоих государств, прекращение откровенно показательных выпадов в сторону друг друга может хотя бы способствовать началу этого процесса.

Список источников и литературы

1. Выгодных для России кандидатов среди республиканцев нет. Интервью с Андреем Сушенцовым. Lenta.ru. 13.13.2015. URL: <http://lenta.ru/video/2015/12/13/sushentsovonusa/>.
2. Гартман Игорь. Ближневосточные страхи Путина накануне выборов. IZRUS. 27.02.2012. URL: <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2012-02-27/17134.html>.
3. Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах / Под общ. ред. С.Н. Гриняева. М.: АНО ЦСОиП, 2015. 236 с.
4. Макфол: Отношения России и США разрушил не Обама, а Путин. ИНО-ТВ. 5 августа, 2015. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-08-05/Makfol-Otnosheniya-Rossii-i-SSHA>.
5. Мы проявили конструктивность по Ливии, ею зачастую злоупотребляют. Московские новости. 12.05.2011. URL: http://www.mn.ru/blogs/old_interview/69228.
6. Президент России Владимир Путин представлен NME на премию «злодей года». Новая газета. 15.01.2014. URL: <http://novayagazeta-ug.ru/news/u2210/2014/01/15/34695>.
7. Премия имени Джона Леннона – Pussy Riot. Радио Свобода. 29.09.2012. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24716317.html>.
8. Примаков Е. М. Годы в большой политике. М., 1999. 445 с.

9. Сбивать российские «тополя» из Англии. Независимая газета. 18.08.2006. URL: http://www.ng.ru/politics/2006-08-18/3_kartblansh.html.
10. США объявили о задержании 10 «русских шпионов». Русская служба ВВС. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2010/06/100628_russian_spies_us.shtml.
11. Федеральный закон от 12.01.1996 г. N 7-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О некоммерческих организациях». Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/87a16eb8a9431fff64d0d78eb84f86accc003448/.
12. Федеральный закон от 28.02. 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации».
13. Юрий Чайка: Митинги за честные выборы были оплачены из-за рубежа. АН-Онлайн. 12.01.2012. URL: <http://argumenti.ru/politics/2012/01/149271>.
14. Amnesty International признала девушек из Pussy Riot узницами совести. Интерфакс. 3.04.2012. URL: <http://www.interfax.ru/russia/239214>.
15. Pussy Riot вошли в ежегодный рейтинг 100 самых влиятельных мыслителей мира. 27.11.2012. URL: <http://www.kp.ru/online/news/1305573/>.
16. A short timeline of deteriorating U.S.-Russia relations. The Washington Post. August 8, 2013. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2013/08/08/ten-reasons-the-u-s-and-russia-are-at-odds/>.
17. Could US and Russia Enhance Intel Relationship? Defense News. November 16, 2015. URL: <http://www.defensenews.com/story/breaking-news/2015/11/16/deeper-us-russia-intel-relationship-developing/75873908/>.
18. Lukyanov, Fyodor. U.S. and Russia Back to Cold War Diplomacy. Russia in Global Affairs. 27 may, 2015. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/redcol/US-and-Russia-Back-to-Cold-War-Diplomacy-17478>.
19. Russia-US Relation Deteriorating. Voice of America. February 27, 2014. URL: <http://www.voanews.com/content/russia-us-relations-deteriorating/1860890.html>.
20. Voshell, Fay. Who Will Save Middle East Christians: Obama or Putin? The American Thinker. October 6, 2015. URL: http://www.americanthinker.com/articles/2015/10/who_will_save_middle_east_christians_obama_or_putin.html.

Я.В. Лексютина

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ Б. ОБАМЫ¹

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург
lexyana@ya.ru*

Аннотация: В статье представлен обзор внешней политики администрации Б. Обамы на латиноамериканском направлении с акцентом на выявление изменений в латиноамериканской политике и достигнутых результатов. Также определены причины прослеживаемого с начала XXI в. ослабления влияния США в Латинской Америке.

Ключевые слова: Латинская Америка, США, американское влияние в Латинской Америке, внешняя политика Б. Обамы, Куба.

YanaV. Leksyutina

LATIN AMERICAN VECTOR OF B. OBAMA'S FOREIGN POLICY

*Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg*

Summary: The article provides an overview of B. Obama's foreign policy toward Latin America with a special focus on identifying policy changes and accomplishments achieved in the region. It also indicates main sources of the declining U.S. influence in Latin America that has become evident since the beginning of the 21st century.

Key words: Latin America, U.S., U.S. influence in Latin America, foreign policy of B. Obama, Cuba.

С избранием на должность президента США Б. Обамы как в самих США, так и в Латинской Америке связывались большие ожидания, обусловленные объективно назревшей необходимостью внесения кардинальных изменений в американский внешнеполитический курс в отношении Латинской Америки – регионе, значимость которого для Вашингтона в силу географической близости трудно переоценить. Социально-экономическая и военно-политическая обстановка в Латинской Америке, а также расстановка там внешних сил всегда оказывала непосредственное влияние на США, их экономическое процветание и национальную безопасность. Латинская Америка традиционно позиционировалась американским руководством в качестве «подбрюшья», «базовой периферии» или «заднего двора» США.

В то время как основными проблемами на латиноамериканском направлении в 1980-х – 1990-х гг., когда задача противодействия распространению советского и кубинского коммунизма уже утратила свою остроту (а в случае с Советским Союзом – и вовсе исчезла), являлись миграция из региона (Латинская Америка остается крупнейшим источником легальных и незаконных мигрантов в США) и транспортировка из Мексики и Южной Америки наркотиков в США, на рубеже XX-XXI вв. Вашингтон столкнулся с новыми вызовами, главным из которых стало стремительное сокращение американского влияния в

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант N 15-31-01016 «От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке».

Латинской Америке. Развитие этой негативной с точки зрения американских интересов тенденции было недопустимо. Публичный отказ Вашингтона от выдвинутой в начале XIX в. «доктрины Монро» не привел к изменению отношения Вашингтона к региону: Вашингтон по-прежнему руководствуется принципом «Америка для американцев» и исходит из того, что США обладают эксклюзивным правом доминирования в Латинской Америке.

«Размыванию» лидерской роли США в регионе способствовали, по меньшей мере, два фактора, обозначившихся в начале XXI в. Первый из них – это укрепившаяся на фоне успехов социально-экономического развития независимость многих латиноамериканских стран от Вашингтона как в выборе курса собственного национального развития, так и своих действиях на региональной и мировой арене. Страны Латинской Америки стали проводить более активную, инициативную и независимую от диктата США внешнюю политику, расширяя свою вовлеченность в международные дела. Так, Бразилия, Мексика и Аргентина стали членами G-20, что позволило им принимать непосредственное участие в формулировании глобальной повестки дня. Бразилия, ставшая членом-основателем БРИКС, существенно повысила свой международный статус и вовлеченность в мировую политику. Возросла международная активность Венесуэлы, Чили, Никарагуа и целого ряда других стран.

Другим проявлением возрастающей независимости латиноамериканских стран от Вашингтона стала активизация их межгосударственного регионального взаимодействия без привлечения к участию США. Проследивавшийся с начала XXI в. рост экономического потенциала ряда латиноамериканских государств и в целом региона открыл для стран Латинской Америки более широкие операционные возможности самостоятельного решения существующих региональных проблем без обращения за помощью к Вашингтону. В Латинской Америке стали один за другим создаваться новые региональные объединения, зачастую не предполагавшие участие США и представляющие альтернативу Организации американских государств (ОАГ), которая традиционно выступала центральным механизмом взаимодействия США с латиноамериканскими странами на высшем уровне и проводником реализации американских интересов в Латинской Америке. Создание новых региональных объединений стало рассматриваться латиноамериканскими странами в качестве важной меры повышения эффективности решения стоящих перед регионом проблем и снижения зависимости, контроля или даже диктата со стороны Вашингтона. Так, например, позиция США по блокированию участия Кубы в саммитах ОАГ являлась постоянным источником недовольства ряда стран региона. Некоторые государства даже стали саботировать свое участие на саммитах ОАГ в знак протеста против американского жесткого подхода в отношении Острова Свободы. Активное использование ОАГ американской дипломатией привело к снижению интереса к ней многих латиноамериканских государств и сделало более предпочтительным для них взаимодействие в рамках других многосторонних объединений.

Среди новых объединений, вызвавших беспокойство в Вашингтоне как способных подрвать региональные позиции США, стали Боливарианский альянс для народов нашей Америки¹, Союз южноамериканских наций² и Сообщество стран Латинской Америки и

¹ Боливарианский альянс для народов нашей Америки (Alternativa Bolivariana para Nuestros Pueblos de América, ALBA) создан в 2004 г. по инициативе У. Чавеса в целях развития «социализма XXI века», содействия региональной интеграции и социально-экономическим реформам, а также снижению бедности. До 2009 г. ALBA носила наименование «Боливарианская альтернатива для Америки». Помимо Венесуэлы, выступающей системообразующим звеном этой группировки, ее членами выступают еще десять государств: Боливия, Куба, Эквадор, Никарагуа, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Доминика, Сент-Люсия, Гренада, Сент-Китс и Невис.

² Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR) создан при руководящей роли Бразилии в 2008 г. с целью координации усилий в вопросах политики, экономики и безопасности. В его состав входят двенадцать членов: Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Парагвай, Уругвай, Боливия, Колумбия, Перу, Эквадор, Чили, Гайана и Суринам. Это объединение выступает в роли важнейшего региональ-

Карибского бассейна¹. Эти объединения, функционирующие без участия США и потенциально способные стать альтернативой ОАГ, бросили вызов американскому региональному влиянию. Их создание свидетельствовало о предпочтительности для латиноамериканских стран интеграции по интра-латиноамериканскому (в масштабах Латинской Америки) сценарию в противовес продвигаемому Вашингтоном панамериканскому².

Вторым фактором, потенциально чреватом ослаблением роли США в Латинской Америке, стало появление в начале XXI в. в Латинской Америке новых внерегиональных держав, заинтересованных в налаживании тесного сотрудничества с латиноамериканскими странами и расширении своего присутствия в регионе. Постепенно стало проследиться изменение конфигурации расстановки внешних сил в регионе: США хотя и оставались важной силой в Латинской Америке, однако становились одним из многих внерегиональных акторов наряду с ЕС, Японией, Китаем, Россией, Ираном и др. Особую обеспокоенность в Вашингтоне стала вызывать активность Ирана как государства с неудобным США политическим режимом и связями с радикальной шиитской группировкой Хезболла, России ввиду расширения военно-политического сотрудничества с некоторыми латиноамериканскими странами, а также Китая, который с начала XXI в. стремительно расширял свое экономическое присутствие в Латинской Америке и расценивался в качестве основного соперника США не только за региональное, но и за глобальное доминирование.

Более того, сокращение американского влияния в Латинской Америке было связано не только с появлением новых, активных и напористых внерегиональных игроков, но и в значительной степени с бездействием, пассивностью и нежеланием (или неспособностью) Вашингтона вносить коррективы в латиноамериканскую политику. В начале XXI в. Вашингтон фактически самоустранился от активного участия в делах региона вследствие необходимости ведения борьбы с международным терроризмом. Спустя неделю после того, как Дж. Буш-мл. в сентябре 2001 г. в ходе встречи с мексиканским президентом В. Фоксом (2000-2006 гг.) охарактеризовал отношения с Мексикой как наиболее важные из двусторонних отношений США со странами мира [2, р. 9], произошли события 11 сентября, заставившие Вашингтон кардинально пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты, направив фокус внимания и значительные ресурсы на Ближний Восток. В последующие годы Латинская Америка фактически исчезла с повестки дня Вашингтона. При Дж. Буш-мл. активность США в регионе ограничивалась предоставлением помощи некоторым латиноамериканским странам в рамках таких масштабных, но малоэффективных программ, как «План Колумбии», «Андская инициатива по борьбе с наркотиками» и «Инициатива Мерида», а также ведением переговоров с отдельными государствами Латинской Америки по вопросу заключения соглашений о свободной торговле.

К моменту прихода в 2009 г. Б. Обамы на пост президента назрела острая необходимость внесения серьезных коррективов в латиноамериканскую стратегию США. Такой жизненно важный для Вашингтона регион как Латинская Америка буквально на глазах стремительно уходил из сферы влияния США. С избранием Б. Обамы на высший руководящий пост США были связаны большие надежды тех американских политических и экспертных кругов, которые уже длительное время пытались обратить внимание американского руководства на важность усиления латиноамериканского вектора внешней политики

ного форума политического диалога, где вырабатывается позиция большинства по острым региональным вопросам.

¹ Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) создано в декабре 2011 г. с целью стимулирования региональной интеграции и сотрудничества. Включает 33 государства Латинской Америки (в т.ч. Кубу).

² О провале панамериканского сценария свидетельствовал и окончательный отказ латиноамериканских стран в середине первого десятилетия XXI в. от проекта создания Зоны свободной торговли Америк (Acuerdo de Libre Comercio de las Américas, ALCA), который Вашингтон безуспешно продвигал с середины 1990-х гг.

США и внесения принципиальных изменений в стратегию в отношении этого региона. Изменения должны были коснуться ключевых вопросов, препятствующих выстраиванию гармоничных отношений между США и латиноамериканскими государствами: борьбы с транспортировкой наркотиков и контрабандой оружия (порядка 90% оружия мексиканские наркокартели получают из США [1, с. 43]), нелегальной миграции (в США уже давно назрела необходимость полномасштабной иммиграционной реформы), отношений США с Венесуэлой и политики эмбарго в отношении Кубы.

Однако несмотря на многообещающую риторику Б. Обамы в течение первых месяцев его пребывания на посту президента (и, в частности, выступление Б. Обамы на 5-ом Саммите Америк в апреле 2009 г., в ходе которого он объявил о своем намерении «открыть новую главу» в сотрудничестве США с регионом, основным содержанием которой будет не диктат со стороны США, а «равноправное партнерство» на основе «взаимоуважения и общих интересов и ценностей» [4]), приведшую к завышенным ожиданиям в регионе и заставившую экспертов ненадолго заговорить о наступлении новой эры в американо-латиноамериканских отношениях, ни по одному из указанных выше пунктов не было достигнуто принципиальных сдвигов вплоть до конца 2014 г.

Предложенные Б. Обамой в 2009 г. такие инициативы, как упразднение ограничений на денежные переводы и поездки на Кубу американских граждан кубинского происхождения, возобновление деятельности американских телекоммуникационных компаний на Кубе, а также проведение переговоров относительно открытия прямого почтового и авиа сообщения, скорее были полумерами, а не кардинальным сдвигом в кубинском вопросе. Внутриполитические причины, конфликтующие интересы американской бюрократии и групп интересов, деятельность отдельных групп давления и лобби препятствовали администрации Б. Обамы в реализации масштабной иммиграционной реформы и урегулировании ситуации с контрабандой американского оружия в Мексику. Одним из немногочисленных достижений Б. Обамы на латиноамериканском направлении стала ратификация американским Конгрессом в 2011 г. соглашений о свободной торговле с Колумбией и Панамой, длительное время находившихся в «подвешенном» состоянии.

Заметные изменения на латиноамериканском направлении внешней политики США стали проявляться только с конца 2014 г., когда администрацией Б. Обамы был предпринят целый ряд инициатив и конкретных мер, свидетельствующих как о возрастающем внимании Вашингтона к региону, так и о коррективах в американском подходе на некоторых направлениях. По всей видимости, приближение окончания второго президентского срока Б. Обамы заставило его задуматься о том внешнеполитическом наследии, которое останется после него, а также о том, как обеспечить победу на президентских выборах 2016 г. кандидату от демократической партии.

Самым крупным прорывом на латиноамериканском направлении стала нормализация отношений с Кубой. В декабре 2014 г. Б. Обама обнаружил намерение отказаться от политики изоляции и санкционного режима в отношении Кубы, которой Вашингтон придерживался на протяжении многих десятилетий, в пользу внешнеполитического курса на вовлечение Кубы и нормализации отношений с Гаваной. Были определены три основных направления нормализации отношений: восстановление в полном объеме разорванных в 1961 г. дипломатических отношений и, соответственно, обмен посольствами; пересмотр отношения Вашингтона к Кубе как к государству-спонсору международного терроризма (Куба попала в соответствующий перечень Госдепартамента в 1982 г. и была оттуда исключена 29 мая 2015 г.); расширение туристических, коммерческих и информационных потоков между двумя государствами.

В подтверждение своих намерений нормализовать отношения Куба и США обменялись заключенными: Гавана в декабре 2014 г. отпустила американского сотрудника USAID А. Гросса, задержанного в 2009 г. и приговоренного к 15 годам лишения свободы за незаконный ввоз на Кубу телекоммуникационного оборудования, а также одного из

наиболее важных агентурных разведчиков США на территории Кубы (по данным СМИ — это был Р. Трухильо); а Вашингтон вернул на Кубу троих членов «кубинской пятерки» — последних из задержанных в 1998 г. и приговоренных к пожизненному сроку сотрудников кубинских спецслужб.

20 июля 2015 г. произошел обмен посольствами: Секция интересов США в Гаване получила официальный статус посольства (официальная церемония поднятия флага была отложена), а кубинская сторона официально открыла свое посольство в Вашингтоне. Официальное открытие посольства США состоялось в августе 2015 г. в день прибытия на Кубу Госсекретаря США Дж. Керри, ставшего первым высокопоставленным американским чиновником, посетившим остров с 1945 г. Таким образом, после более чем полувека вражды между двумя правительствами, были восстановлены дипломатические отношения.

В январе и сентябре 2015 г. были ослаблены американские санкции в отношении Кубы: в сфере денежных переводов, транспорта, телекоммуникаций, интернет-сервисов и работы американских компаний на территории Кубы. А в апреле 2015 г. Куба впервые получила возможность принять участие в Саммите Америк (ранее участие Кубы блокировали США и Канада). В ходе 7-го Саммита Америк, в частности, состоялась первая личная встреча президентов США и Кубы с момента кубинской революции 1959 г. Повторно два президента встретились в конце сентября 2015 г. на полях Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

Изменения в кубинской политике США получили полное одобрение со стороны латиноамериканских государств, но вместе с тем вызвали неоднозначную реакцию в самих США: на Б. Обаму обрушились обвинения в том, что он предпринимает действия по нормализации отношений в одностороннем порядке, не получая в ответ искомым шагов кубинского правительства в направлении демократизации Кубы.

Помимо нормализации американо-кубинских отношений, изменения на латиноамериканском направлении внешней политики США затронули и другие вопросы:

– Вашингтон обнародовал новые инициативы, нацеленные на содействие центральноамериканским государствам в борьбе с наркобизнесом и сопутствующим ему преступлениям, а также карибским странам в преодолении энергетических проблем [5, р. 45].

– США занял более активную позицию в начавшихся при посредничестве Кубы в 2012 г. мирных переговорах между правительством Колумбии и леворадикальной повстанческой группировкой ФАРК, которая внесена Вашингтоном в список террористических организаций («Революционные вооруженные силы Колумбии», *Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC*). В частности, после долгих колебаний Вашингтон поддался настоятельным просьбам со стороны официальных властей Колумбии, долговременного союзника США в регионе, и в феврале 2015 г. назначил своего первого специального посланника по вопросам мирного процесса (им стал Б. Аронсон), призванного урегулировать более чем 50-летний конфликт между колумбийским правительством и повстанцами (ФАРК). Принимая во внимание то, что специальные посланники назначаются Вашингтоном исключительно в особых случаях (всего в Госдепартаменте насчитывается 49 спецпосланников) [6], появление специального посланника по колумбийскому мирному процессу стало свидетельством того, какое большое значение Вашингтон придает Колумбии и нормализации там ситуации.

– Была предпринята попытка «перезагрузки» ухудшившихся с 2009 г. отношений между США и Бразилией. Ее свидетельством стал государственный визит президента Бразилии Д. Роуссефф в Вашингтон в июне 2015 г.

– Обама также сделал весьма смелый шаг в направлении изменения миграционной политики в обход позиции Конгресса, упорно не желавшего принять структурную реформу миграционной политики, значившуюся в качестве одного из центральных обещаний Б. Обамы в ходе его предвыборной компании 2008 г. (и обеспечившее ему поддержку ис-

паноязычных избирателей) и являющейся одним из ключевых ожиданий латиноамериканских стран (в частности, заинтересованность латиноамериканских стран касалась нормализации статуса незаконных иммигрантов и создания специализированных программ для временных рабочих с целью облегчения законного миграционного оборота). Так, в ноябре 2014 г. Б. Обама издал исполнительный указ, согласно которому в отношении некоторых категорий незаконных иммигрантов продлевался срок отложенной депортации с возможностью дальнейшего продления этого статуса, а также предоставлялось разрешение на работу и карточку системы социального обеспечения. Указ также облегчал въезд в США высококвалифицированных специалистов.

– В 2015 г. администрацией Б. Обамы был предпринят важный шаг в направлении налаживания транспортного сообщения между США и Мексикой – мексиканским водителям грузовиков было позволено совершать трансграничные перевозки (подобное разрешение было предоставлено еще при Дж. Буше-мл., но в марте 2009 г. был снова введен запрет на свободное трансграничное перемещение мексиканских грузовиков, что заставило мексиканское правительство тогда повысить ввозные пошлины на некоторые американские товары). Этот шаг, с одной стороны, был символическим для Мексики как свидетельствующий о новом подходе США к развитию отношений с Мексикой, а, с другой стороны, был способен стимулировать рост взаимной торговли.

Многообещающие перспективы развития отношений между США и Латинской Америкой как результат положительных корректив на латиноамериканском направлении внешней политики США были омрачены исполнительным указом Б. Обамы от 9 марта 2015 г. о введении санкций в отношении семи членов правительства Венесуэлы, которых Вашингтон обвинил в коррупции и нарушении прав человека. Сделанное Б. Обамой в этой связи заявление о том, что Венесуэла представляет «экстраординарную угрозу национальной безопасности и внешней политике США» [3] вызвало волну критики со стороны лидеров ряда латиноамериканских государств и поставило под сомнение способность Вашингтона оставить патерналистский подход в отношении стран Латинской Америки и отказаться от санкционных мер как наиболее предпочтительного метода достижения искомым внешнеполитическим целям.

Резюмируя результаты внешнеполитической деятельности на латиноамериканском направлении в 2009-2015 гг., можно заключить, что администрации Б. Обамы удалось добиться сдвига только на кубинском направлении, остальные новшества носили скорее косметический характер и являлись полумерами. Существенного прогресса в борьбе с наркотрафиком и контрабандой оружия, в миграционном вопросе и в отношениях США с Венесуэлой добиться не удалось. Более того, Вашингтон так и не смог концептуализировать стратегическое видение своего места и роли в меняющейся Латинской Америке, оказался неспособен выработать новую четкую внешнеполитическую стратегию в регионе. Трансформирующаяся геополитическая и геоэкономическая мировая архитектура, углубление и расширение спектра угроз традиционной и нетрадиционной безопасности в разных частях света, новые угрозы и вызовы США и их доминирующему положению единственной мировой сверхдержавы ретушируют значимость Латинской Америки для Вашингтона. В иерархии региональных приоритетов США прочное место ныне занимают Ближний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион.

Список источников и литературы

1. Сударев В.П. США после выборов: перспективы нового латиноамериканского курса // Латинская Америка. 2009. № 7. С. 39-47.
2. Erikson D. The Obama Administration and Latin America: towards a new partnership? Working № 46, April 2010. URL: <http://www.cigionline.org/publications/2010/4/obama-administration-and-latin-america-towards-new-partnership>.

3. Executive order – blocking property and suspending entry of certain persons contributing to the situation in Venezuela. 9.03.2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/03/09/executive-order-blocking-property-and-suspending-entry-certain-persons-c>.

4. Official remarks of US president Barack Obama at the opening ceremony of the 5th summit of the Americas. 17.04.2009. URL: http://www.summit-americas.org/V_Summit/remarks_usa_en.pdf.

5. Reid M. Obama and Latin America. A promising day in the neighborhood // Foreign Affairs. Sept /Oct. 2015. P. 45-53.

6. What does the new U.S. Special envoy mean for Colombia's peace process? 24.02.2015. URL: http://www.wola.org/commentary/what_does_the_new_us_special_envoy_mean_for_colombias_peace_process.

Н.В. Федоров

ВЛИЯНИЕ США НА ПОЛИТИКУ РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
nfedorov@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется положение США в отношениях России со странами АТР и влияние американской политики «поворота в Азию» на российские позиции в регионе. Автор уделяет особое внимание фактору Китая в российско-американских отношениях в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, США, Китай, российский Дальний Восток, российско-американские отношения

N.V. Fedorov

THE INFLUENCE OF THE USA ON THE POLICY OF RUSSIA IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg

Summary: The article analyses the standing of the USA in the relations between Russia and the Asia-Pacific states and the influence of the American policy of “pivot to Asia” on the Russian positions in the region. The author places a high emphasis on the factor of China in the Russian-American relations in the Asia-Pacific region.

Key words: the Asia-Pacific region, the USA, China, Russian Far East, Russian-American relations.

Азиатско-Тихоокеанский регион играет все более значимую роль в международных отношениях. Также растет его роль среди ключевых направлений российской внешней политики. Во многом это обусловлено развивающимся партнерством России с Китаем, а также ее отношениями с другими странами этого региона. В немалой степени азиатско-тихоокеанское направление внешней политики России определяется необходимостью развития Дальнего Востока и Сибири.

Для Соединенных Штатов Азиатско-Тихоокеанский регион всегда являлся одним из важнейших приоритетов во внешней политике. Особенно возросло значение АТР в период администрации Барака Обамы, который еще в 2009 г. говорил о «возвращении в Азию», а в 2011 г. заявил уже о «повороте в Азию». Во многом повышенное внимание к региону было вызвано растущим влиянием азиатских государств, в первую очередь – Китая, и стремлением США сохранить свои позиции «неоспоримого лидера» в АТР [6, с. 50-51].

Наряду с экономическим подъемом Азиатско-Тихоокеанского региона и ростом его значения в мировой политике возрастает его конфликтный потенциал, не в последнюю очередь являющийся следствием противоречий между США и КНР.

Принимая во внимание данные обстоятельства, представляется актуальным проследить отражение американского «поворота в Азию» на российской политике в АТР.

Прежде всего, следует отметить, что региональные отношения между Россией и США находятся на относительно невысоком уровне. Как было отмечено в докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай», «американское экономическое и гуманитарное присутствие в Тихоокеанской России – минимальное за последние два десятилетия» [4, с. 28]. Отношения между российским Дальним Востоком и Соединенными Штатами переживали подъем в 90-е гг. Однако к началу 2000-х гг. произошло сокращение американского присутствия на Дальнем Востоке, как из-за общего охлаждения отношений между Российской Федерацией и Соединенными Штатами, так и, по словам отечественного исследователя Л.В. Гарусовой, из-за переориентации российской политики на Китай [2, с. 179]. Однако можно предполагать, что уменьшение регионального сотрудничества между США и Дальним Востоком России связано еще и с позицией американского руководства – в Соединенных Штатах «практически никогда официально не упоминают Россию в азиатско-тихоокеанском контексте» [4, с. 28]. Отсутствие политической воли для развития отношений с Россией в региональном измерении наряду с выявившимися в период 90-х гг. проблемами в торгово-экономическом сотрудничестве с российским Дальним Востоком могут быть причинами снижения стремления американской стороны к взаимодействию с Российской Федерацией в АТР.

Еще одним элементом российско-американских отношений в АТР является нерешенный спор вокруг разграничения исключительных экономических зон в Беринговом и Чукотском морях. Установленные Советским Союзом и США в 1977 г. исключительные рыболовные зоны (позже ставшие исключительными экономическими зонами) перекрывали друг друга в Беринговом и Чукотском морях в ряде районов. Для разделения спорных акваторий стороны начали переговоры, которые завершились подписанием 1 июня 1990 г. «Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств». Советский Союз согласился на требование США провести разграничение по линии, которая являлась продолжением границы между российскими и американскими владениями, определенной конвенцией о продаже Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. СССР уступил США три района в советской исключительной экономической зоне, а получил, в свою очередь, лишь один небольшой участок в американской зоне. В России подписание данного соглашения обычно трактуется как дипломатический провал. По мнению российского исследователя Б.И. Ткаченко, данное соглашение «противоречило национальным интересам СССР, а затем и России, поскольку предусматривало существенную уступку США части наших экономических владений» [9, с. 26]. По словам ученого, причиной заключения соглашения стал «неудовлетворительный механизм принятия важных государственных решений в сфере внешней политики в период «перестройки»» [9, с. 37]. В то же время существуют и другие оценки этого соглашения. По мнению эксперта в сфере международного права А.Н. Вылегжанина, принципиальное решение о линии Советского Союза в переговорах с США по рассматриваемому вопросу было принято еще в конце 70-х гг., задолго до начала «перестройки». В данном случае для советского руководства «доминирующими были соображения не экономического, а пространственно-стратегического плана, главным образом, стремление закрепить секторальный принцип разграничения в Арктике, даже ценой пространственной потери в Беринговом море» [1, с. 5].

Соглашение 1990 г. было ратифицировано Соединенными Штатами уже в сентябре 1991 г. Верховный Совет СССР, однако, так и не ратифицировал этот документ до распада Советского Союза, поскольку появились сомнения в его соответствии национальным интересам страны. Ратификация соглашения не состоялась и в Российской Федерации. К примеру, в постановлении Государственной Думы от 14 июня 2002 г. говорилось, что содержание этого соглашения «ставит под сомнение его соответствие национальным интересам Российской Федерации, в первую очередь в области рыболовства» [9, с. 36]. В то же время Россия придерживается временного характера применения данного соглашения.

Сложившаяся вокруг спорных морских пространств ситуация не только наносит ущерб российским экономическим интересам, но и создает напряженную обстановку в пограничной акватории двух стран. Российские рыболовные компании лишились традиционных районов промысла, которые оказались теперь в исключительной экономической зоне США. Неоднократно имели место инциденты, связанные с действиями Береговой Охраны США против российских рыболовных судов.

Ситуация в пограничных акваториях объективно осложняется тем, что Россия считает данное соглашение противоречащим своим национальным интересам. Подобное восприятие этого документа создает препятствия для его ратификации и дальнейшего диалога с Соединенными Штатами по урегулированию спорных вопросов в этих районах. США, в свою очередь, неоднократно демонстрировали свою отрицательную позицию к какому-либо компромиссу, отвергая, в частности, просьбы России о предоставлении квот на вылов рыбы в американской исключительной экономической зоне в качестве компенсации за переданные Соединенным Штатам участки [13, р. 2].

Данная проблема носит локальный характер и не столь политизирована, как, к примеру, спор с Японией из-за Южных Курил. Однако в условиях сложных российско-американских отношений любой инцидент в Беринговом море может повлечь за собой эскалацию конфликта. Российский исследователь В. Зиланов отмечал: «Соглашение, по которому одна из сторон считает себя несправедливо обойденной, неминуемо, как мина замедленного действия, когда-нибудь создаст конфликтную ситуацию» [3].

Что касается военно-стратегической обстановки в АТР в целом, то Россия и США часто с подозрением воспринимают военное присутствие противоположной стороны в регионе, видя в этом прямые и косвенные вызовы своей безопасности. К примеру, эксперты из Центра стратегических и международных исследований Майкл Грин и Эндрю Качинс указали на растущую милитаризацию российского Дальнего Востока как на один из негативных факторов российской политики в АТР [18]. В России, в свою очередь, также выступали с критикой американского военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В частности, заместитель министра обороны А. Антонов в 2012 г. отмечал антироссийскую направленность американской системы противоракетной обороны, развернутой в АТР [8, с. 47]. Подобную точку зрения разделяют и ряд российских исследователей [5, с. 117-118]. В то же время противоречий между Россией и США в сфере военной безопасности в регионе, безусловно, заметно меньше по сравнению с периодом Холодной войны. Во многом это объясняется не только относительно небольшим весом России в АТР, но и концентрацией внимания американской стороны на Северной Корее и Китае. Впрочем, фактор сдерживания Китая в американской региональной стратегии косвенно отражается и на России. Хотя Россия формально не вмешивается в американо-китайское соперничество, однако в ряде случаев российская сторона фактически оказывает поддержку Китаю, призывая США воздерживаться от «демонстрации силы» и официально заявляя об отказе участвовать в американской политике по сдерживанию КНР [8, с. 49-50].

По мнению Д.В. Тренина, эксперта Московского Центра Карнеги, соперничество между Соединенными Штатами и Китаем рассматривается в России как позитивный фактор, поскольку оно дает нашей стране больше свободы для маневра в отношениях с США и КНР. Впрочем, в условиях американо-китайской конфронтации Россия может оказаться, по его словам, «между молотом и наковальней» [10, с. 65].

В США часто подчеркивают вызовы для Америки в военно-стратегической сфере, которые являются следствием сближения России и Китая. Например, с точки зрения профессора Стивена Бланка из Института стратегических исследований Военного колледжа Армии США, Китай благодаря дружественным отношениям с Россией может не беспокоиться о безопасности своих северных границ и сосредоточиться в своем военном планировании на противостоянии с Соединенными Штатами и их союзниками в АТР [11, р. 2]. По мнению политолога Ариэля Коэна, Китай и Россия в 2000-е гг. стали расширять воен-

ное сотрудничество, направленное против США (в качестве примера американский эксперт ссылается, в частности, на российско-китайские военные учения «Мирная миссия-2005», проходившие на Шаньдунском полуострове в Китае под эгидой Шанхайской Организации Сотрудничества) [12]. Кроме того, еще с первой половины 90-х гг. американскими экспертами отмечалось влияние военно-технического сотрудничества между Китаем и Россией на модернизацию вооруженных сил КНР.

Наряду с позиционированием России в качестве партнера Китая в вопросах противостояния с США, в работах американских и других зарубежных исследователей все чаще стали акцентироваться реальные и мнимые российско-китайские противоречия. При этом как один из способов укрепления положения России в АТР предлагается вариант расширения ее взаимодействия с США на антикитайской основе. Например, в аналитическом докладе, подготовленном «Фондом Морин и Майка Мэнсфилдов» рассматривалась даже теоретическая возможность присоединения России к антикитайскому альянсу, который в будущем мог бы сформироваться из Японии, Южной Кореи, Австралии и стран Юго-Восточной Азии [17, р. 109]. О возможности укрепления сотрудничества США и России в экономическом и стратегическом плане на основе сдерживания Китая писал и эксперт из Института исследований внешней политики Ренс Ли [14]. В то же время для российско-американского сближения в АТР существуют серьезные препятствия. Во-первых, как уже было указано, у Соединенных Штатов не так много интересов на российском Дальнем Востоке. Во-вторых, как отметил исследователь из Дальневосточного федерального университета А.Л. Лукин, для формирования регионального альянса между США и Россией потребовалась бы полная трансформация отношений между двумя странами [15, р. 166]. В современных условиях это представляется, по меньшей мере, затруднительным. В-третьих, Соединенные Штаты, по мнению ряда экспертов, не воспринимают Россию как серьезного игрока в сфере безопасности в АТР [16, р. 17]. Указанные факторы не способствовали бы устойчивости этого гипотетического альянса. С другой стороны, возможное сближение России с США вызвало бы острую реакцию со стороны Китая. По словам Д.В. Тренина, в подобных условиях «Россия перестала бы играть для Китая роль надежного тыла, что вызвало бы в Пекине страх перед «стратегическим окружением» со стороны США» [10, с. 33]. Ситуация могла бы обернуться даже конфронтацией наподобие советско-китайского противостояния 60-70-х гг. Таким образом, гипотетическое сближение между Россией и США осложнило бы стратегическое положение российского Дальнего Востока. В свою очередь, у Соединенных Штатов нет оснований для того, чтобы оказывать содействие России в условиях обострения отношений с Китаем. Для США было бы выгодно российско-китайское противостояние, так как это серьезно ослабляло бы позиции и России, и КНР. Однако Соединенные Штаты, не воспринимая Россию как значимого актора в АТР, сохраняя противоречия с Россией во многих сферах и не имея серьезных интересов на российском Дальнем Востоке, вряд ли будут готовы активно участвовать в поддержке России в регионе, включая обеспечение безопасности ее восточных рубежей.

Таким образом, российско-американский альянс в АТР представляется не соответствующим российским интересам и малореальным в текущих политических условиях. Возможные противоречия с Китаем России следует решать на основе двустороннего диалога и взаимодействия, а не путем планирования партнерства с США на антикитайской основе.

Еще одним из результатов американской политики по сдерживанию Китая в АТР является растущая активность КНР в других регионах, в том числе и в Центральной Азии [7]. Это может стать основой для развития новых совместных российско-китайских проектов, но также и быть причиной для обострения соперничества между двумя странами.

Несмотря на сложный характер современных российско-американских отношений, противоречия между двумя странами в Азиатско-Тихоокеанском регионе относительно невелики. Во многом это является следствием того, что двусторонние отношения в регио-

нальном измерении находятся на невысоком уровне и Россия не играет значительной роли в американской стратегии в АТР. В то же время США могут оказывать косвенное влияние на российскую политику в регионе. В первую очередь это связано с американо-китайским соперничеством в АТР. С одной стороны, действия США могут способствовать повышению значения партнерства с Россией во внешней политике КНР и, соответственно, укреплению российско-китайских отношений. С другой стороны, политика Соединенных Штатов может породить новые вызовы, связанные с изменениями международной обстановки в АТР. Однако ответ на эти вызовы зависит, прежде всего, от их правильной оценки со стороны России и выработки соответствующих решений.

Список источников и литературы

1. Вылегжанин А.Н. 20 лет «временного применения» соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств // Вестник МГИМО университета. 2010. № 1. С. 2-10.
2. Гарусова Л.В. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: интересы и политика США // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 1 (19). С. 174-183.
3. Зиланов В. Возможен ли компромисс в Беринговом море? // Научно-информационное агентство «Наследие отечества» URL: http://old.nasledie.ru/oboz/N01_02/1_13.HTM.
4. К Великому Океану – 2 или российский рывок к Азии. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, февраль 2014 г. // Valdai Discussion Club URL: http://valdaiclub.com/publications/reports/toward_the_great_ocean_2_or_russia_s_breakthrough_to_asia/
5. Коньшев В.Н., Сергунин А.А., Шацкая В.И. Системы противоракетной обороны США: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Изд-во «Аврора», 2015. 168 с.
6. Лексютина Я.В. Американский поворот в Азию начала XXI века // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 1 / отв. ред. А.А. Киреев. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. С. 50-55.
7. Лукьянов Ф. С целеполаганием у нас проблемы // Российский совет по международным делам URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7065#top-content.
8. Портяков В.Я. Российские оценки «возвращения» США в Азиатско-Тихоокеанский регион // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 45-57.
9. Ткаченко Б.И. Узловые проблемы морской экономической границы между Россией и США // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3 (8). С. 23-39.
10. Тренин Д. Верные друзья? Как Россия и Китая воспринимают друг друга. М.: Моск. Центр Карнеги, 2013. 74 с.
11. Blank S. Towards a New Chinese Order in Asia: Russia's Failure // The National Bureau of Asian Research. URL: http://www.nbr.org/publications/issue.aspx?id=222#.UafH9j_RU4.
12. Cohen A. War Games: Russia, China Grow Alliance // The Heritage Foundation URL: <http://www.heritage.org/research/commentary/2005/09/war-games-russia-china-grow-alliance>.
13. Kaczynski V.M. US-Russian Bering Sea Marine Border Dispute: Conflict over Strategic Assets, Fisheries and Energy Resources // Russian Analytical Digest. № 20. 1 May 2007. P. 2-5.
14. Lee R. The Far East between Russia, China and America // Foreign Policy Research Institute. URL: <http://www.fpri.org/articles/2012/07/far-east-between-russia-china-and-america>.

15. Lukin A. Russia and America in the Asia-Pacific: a New Entente? // Asian Policy and Politics. Vol. 4. 2012. № 2. P. 153-171.

16. Mankoff J., Barabanov O. Prospects for U.S.-Russia Cooperation in the Asia-Pacific Region. The United States and Russia in the Pacific Century. Working Group Paper 3. July 2013 // Working Group on the Future of U.S.-Russia Relations. URL: https://futureofusrussiarelations.files.wordpress.com/2013/07/mankoff_barabanov_2013_07_26_scribd.pdf.

17. One Step Back? Reassessing an Ideal Security State for Northeast Asia 2025 / ed. by L. Gordon Flake. Washington, D.C.: The Maureen and Mike Mansfield Foundation, 2011. 164 p.

18. Russia's New Asia Strategy: Assessing Russia's Eastward Pivot // Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/attachments/121114_rep_kozyrev_summary.pdf.

Американистика на Дальнем Востоке:
Ежегодный бюллетень

Выпуск 2

Отв. редакторы А.А. Киреев, Н.В. Киреева

Лицензия ЛР № 040326 от 19 декабря 1997 г.

План университета 2016 г.

Усл. печ. л.

Тираж 500 экз.

Издательство Благовещенского государственного
педагогического университета
675000, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Ленина, 104